

КОНКОРДИЯ
АНТАРОВА

Часть II

ДВЕ
ЖИЗНИ

МИСТИЧЕСКИЙ РОМАН С КОММЕНТАРИЯМИ

Золотой фонд эзотерики

Конкордия Антарова

Две жизни. Часть 2

«ЭКСМО»

1993

УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Антарова К. Е.

Две жизни. Часть 2 / К. Е. Антарова — «Эксмо»,
1993 — (Золотой фонд эзотерики)

ISBN 978-5-699-93178-1

Каждый том этого романа можно рассматривать как самостоятельное произведение. В этом романе есть все – захватывающий сюжет, интрига, мелодрама, мистика, борьба добра и зла, черные маги, погони и преследования. Но помимо всего, тут есть нечто, что превращает его в подлинный источник духовной мудрости Востока, а именно – изложение основ философско-эзотерических знаний и психологических закономерностей духовного развития человека. Приключения героев второй части романа К. Антаровой вновь связаны с борьбой добра и зла, а также поисками нелегких путей к самопостижению. Захватывающая интрига романа разворачивается на фоне семейной драмы одного из аристократических домов Лондона. Молодой талантливый лорд попадает в сети коварной обольстительницы; после женитьбы его мечты об артистической карьере рушатся, а сам он, будучи воплощением добра, тем не менее всю жизнь несет на себе ярмо зла, поселившегося в его собственном доме... Как и первый том романа, эта книга читается на одном дыхании и станет лучшим подарком ценителям подлинных нравственных ценностей и бессмертной мудрости Востока.

УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93178-1

© Антарова К. Е., 1993

© Эксмо, 1993

Содержание

Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Конкордия Антарова

Две жизни. Часть 2

© Миланова А., комментарии, 2018

© ООО «Издательство «ЭКСМО», 2018

Глава 1

Бегство капитана Т. и Наль в Лондон и их свадьба

Наль спешно покинула сад возле дома ее дяди Али Мохаммеда, и в сопровождении двух слуг, одним из которых был ее двоюродный дядя в одежде слуги, а также кузена Али Махмуда и капитана Т., спряталась в доме капитана, где никогда еще не бывала и даже представить себе не могла, что такое когда-нибудь произойдет. Она выросла в непростой обстановке; с одной стороны, ее подавляли гаремные традиции, а с другой, она имела возможность приобщаться к европейскому образованию и жизни цивилизованного и культурного общества, которые открыл ей Али Мохаммед, боровшийся против затворничества женщин повсюду, где только мог.

У Наль всегда были европейская одежда и обувь, к которым ее, как бы играя, приучал дядя Али, вызывая тем самым негодование ее старой тетки и синклита из муллы и его фанатиков-правоверных. Поэтому в доме капитана девушка без труда переделалась в костюм, приготовленный для нее дядей. Смеясь, она закутала молодого Али Махмуда в свой розовый свадебный халат и драгоценные покрывала. Она не плакала при расставании с братом, только обняла его, хотя в глазах обоих блеснули слезы.

– Мужайся, Наль. Все случилось не так, как я предполагал, но... будь счастлива, вспоминай иногда меня и верь: если дядя Али сказал – так оно и должно быть. Если он тебя отдал в жены капитану Т. – значит, таков твой путь. А счастье зависит от тебя. Не бойся ничего. Иди по жизни радостно и старайся до конца понять, зачем дядя создает тебе другую жизнь. Одно только помни: нам с тобою дан единый завет – верность до конца. Будь верна капитану так же, как ты верна дяде Али. И ты везде победишь.

Голос молодого Али дрожал, лицо было вдохновенно и прекрасно. Оно сейчас жило. Ничто в нем не напоминало маски того полумертвого существа, которое с отчаянием смотрело, как Наль подает капитану цветок.

– Время. Прощай, сестра. Я всегда буду тебе верным другом, и нет между нами ни расстояния, ни разлуки.

Взяв пару крошечных туфелек Наль в руки, завернувшись в ее покрывало, Али выскользнул из дома и пропал во тьме.

Насколько просто было для Наль переодеться в европейскую одежду, настолько же трудно было ей побороть привычку носить паранджу и оставаться среди мужчин с открытым лицом. Когда капитан Т. постучал к ней и спросил, можно ли войти, ей было страшно ответить согласием. Увидев ее в простом синем английском костюме и с распущенными до пола косами, перевитыми жемчугом, он пришел в ужас.

Поняв, как нелепо она выглядит и как ее выдают ее косы, Наль не дала изумленному капитану опомниться и отхватила ножницами свои косы до пояса. Она уложила их вокруг головы и надвинула глубоко на лоб шляпу.

Закутав ее еще в легкий шелковый плащ сверху, капитан сказал:

– Унося отсюда дивный образ Али, мы пред ним – муж и жена, Наль. Мы оба повинемся ему, и оба будем до конца дней верны ему. Мы уходим без него, но он с нами. Если вы идете без страха, мы победим и выполним поставленную нам задачу.

– Я не испытываю страха, капитан Т. Я его не знала никогда. Я ваша жена перед дядей и Богом. И верность моя Богу – это верность дяде и вам, – спокойно ответила Наль.

Слуги вынесли их небольшие чемоданы и уложили в коляску. Лошади сразу пошли быстрой рысью, и Наль стала привыкать к темноте.

– Я ни разу не была ночью на улице, даже за воротами сада, – шепнула Наль сидевшему рядом с ней капитану, которого еле узнавала в непривычной штатской одежде.

– Перейдем на английский язык, Наль. Теперь вы – жена лорда Т. Старайтесь держаться высокомерно до глупости, как вы читали в английских книгах. Вот вам густой вуаль, – и капитан помог Наль обвязать вокруг шляпы и спустить на лицо довольно плотный синий вуаль.

– Как это приятно, – засмеялась Наль. – Разыгрывая из себя гордую даму, я избавлюсь от назойливых разговоров.

– Не забудьте опираться на мою руку и до самого отхода поезда изображайте из себя великую даму-икону, для которой на свете существует три рода рабов разных социальных ступеней: я – муж и первый раб – достаиваюсь разговора. Ваш дядя – нечто вроде секретаря – второй раб, к которому снисходят до признания его человеком. А слуга – третий раб, кому только кивают или указывают жестами. Так живут всю жизнь знатные дамы. Так постарайтесь прожить одну-две недели, пока не выберемся на свежий воздух и не кончится наиболее скучная часть нашей жизни.

Наль не успела ответить, экипаж подкатил к освещенному вокзалу. Лорд Т. вышел первым, подал руку своей закутанной супруге и послал секретаря взять заранее заказанные билеты. Через несколько минут подошел поезд, секретарь и слуга устроили своих господ в разных купе и прошли в другой вагон, где ехали сами.

Когда поезд тронулся, лорд лично пришел посмотреть, как чувствует себя его супруга, любезно пожелал ей доброй ночи и сказал, что утром придет ее проведать. Все было так чуждо Наль, так незнакомо и неудобно. Личико у нее было такое растерянное, что лорд-муж спросил, уже выходя в коридор, не нуждается ли его супруга в секретаре. Обрадовавшись возможности побыть с дядей, Наль просила прислать его немедленно. Лорд послал за ним проводника и оставался в коридоре, перекидываясь со своей супругой малозначительными фразами до тех пор, пока не явился секретарь.

– Графиня желает написать несколько писем, у нее бессонница, – сказал лорд секретарю, который низко поклонился и вошел в купе графини. Поцеловав руку жене, лорд, закрывая двери, шепнул мнимому секретарю: – Оставайтесь до шести часов. Я займу ваше место утром, а вы отдохнете у меня в купе. Дайте Наль спать, сами дежурьте.

Вернувшись к себе, капитан Т. лег на диван и, приказав себе – как это делал уже много лет – проснуться в шесть часов, мгновенно заснул.

Наль спать не могла. Все ее поражало. Дяде пришлось объяснять ей все устройство вагона. Он рассказал ей также про весь их путь до Петербурга и описал, как выглядит гостиница в Москве.

– Не знаю, будем ли мы останавливаться там. Думаю, что нам надо мчаться во весь дух, чтобы как можно скорее быть в Лондоне, – говорил дядя-слуга.

– А как туда доедем?

– Сядем на пароход на Неве. Теперь установлено прямое водное сообщение. Через семь дней будем в Лондоне.

– Как? Семь дней будем ехать морем? – с удивлением сказала Наль.

– Да, морем. Я, к сожалению, плохо переношу поездки по морю. Придется капитану Т. самому караулить на пароходе свою знатную жену, – смеялся дядя. – Но мы с тобой выходим из ролей барыни и слуги. Чтобы тебе свыкнуться со своей ролью, важная дама, приступай к ночному туалету. В чемодане ты найдешь легкое платье. Я посижу у окна, ты переоденься и ложись спать.

– Нет, дядя, спать невыносимо. Я могу лечь, если ты желаешь. Но ведь от мыслей лопнет голова, если я хоть половины их не додумаю до конца.

Когда через час дядя окликнул племянницу, ответа он не получил. Старик улыбнулся и принялся за чтение. На его безмятежно спокойном лице старого философа не было заметно

ни малейшего волнения. Ничто, казалось, не нарушало его равновесия. Он был таким же спокойным и трудоспособным сейчас, как и в привычной мирной обстановке своего окруженного виноградником дома, где он оставил многочисленную семью. Книга и делаемые им при шатком свете свечи заметки помогли ему не замечать мелькавших мимо станций. Он с удивлением поприветствовал капитана, тихо вошедшего в купе.

– Говорила, что спать не сможет, – лукаво улыбаясь, шепотом сказал лорду Т. секретарь. – А вот и непривычная тряска, и стук колес – все молодости нипочем.

Секретарь отправился в купе своего господина, а последний устроился на соседнем с Наль диване.

Наль все спала, по-детски подложив ручку под щеку. Капитан заботливо закрыл щелку в занавеске окна, через которую к волнистой головке уже подбирался солнечный луч, и снова сел на свое место. Он впервые видел Наль с закрытыми глазами. Черные длинные ресницы бросали тень на розовые щеки, прелестные губы улыбались. Эта почти детская жизнь принадлежала ему. Еще вчера он считал невозможным не только быть соединенным брачными узами с Наль, но даже пройти жизнь вблизи от нее. А сегодня он едет с нею, получив ее из рук Али. Едет, чтобы жить и трудиться, свободно любя ее перед всем миром.

«Счастлив ли человек, если несет ответственность за две жизни?» – думал капитан.

Отдавая ему Наль в жены, Али сказал, что капитан теперь ответственен за две жизни, ибо Наль дитя, а он не только муж, но и первый друг-воспитатель.

«О, да, – продолжал свои мысли капитан, – выше той любви, в которой человек согласен нести ответственность за жизнь любимого, и быть не может. Али доверил мне часть самого себя. Я должен продолжать его дело и помочь Наль раскрыть в себе все силы жизни».

– Дядя, знаешь, даже лень глаза открыть. А я хвалилась, что половину мыслей додумаю, – проснувшись, сказала вдруг Наль. – И знаешь, очень странный мне снился сон. Я все время видела во сне капитана Т., и мне казалось, что это он сидит рядом, а не ты. И что я его жена, и что нас венчают по-европейски. Правда, смешно?

– Не очень, Наль.

Наль вскочила с дивана в полной растерянности.

– Как же это случилось, что вы здесь, а я сплю? – огорченно сказала девушка.

– Мне не хотелось будить вас, а дяде надо было отдохнуть. Не смущайтесь. Надо привыкнуть играть роль моей жены. Не забывайте, что мы беглецы, и от нашего самообладания зависит, насколько талантливо мы сыграем свои роли, чтобы тем самым спасти наши жизни. И не только наши, но и всех тех, кто помогает нам в целом ряде мест одновременно в эти минуты. Трудно вам, Наль, путешествовать в первый раз в жизни, и особенно без женской помощи. Будем вместе стараться вести себя так, чтобы нас принимали за знатных и влюбленных супругов. Сейчас постарайтесь причесаться. В парикмахеры я не гожусь, хотя гример я хороший. Но критиковать вашу прическу – берусь.

– Если вы будете тихо сидеть у окна, капитан Т., я постараюсь причесаться так, как видела на модной картинке у дяди Али. Только не смотрите на меня, пока я не скажу.

– Не смотреть на ваши парикмахерские таланты до сигнала я берусь. Но на модную картинку – не согласен. Вы лучше выньте из волос все украшения и положите косы вокруг головы, как вчера.

– Как? Все, все украшения вынуть? Разве европейские женщины не носят украшений? Это очень скучно.

– Носят, Наль. Но в волосах они их носят только на балах и званых обедах, очень изысканно и умеренно. Такие предметы туалета, как шляпы и меха, используются в соответствии с условностями моды. Иная шляпа надевается только утром, другая – после обеда, а есть шляпы, которые носят только в пути.

– Как же это все постичь, чтобы не сделать бестактности и не осрамить дядю Али или вас, капитан Т.? – с уморительной детской серьезностью спросила Наль.

– Я думаю, Наль, что вам, постигшей такие большие духовные задачи и не менее трудные математические истины, не трудно будет понять внешние условные правила цивилизации того нового народа, среди которого мы будем жить. Для начала снимите весь жемчуг с кос и ваши драгоценности с шеи и ушей. Они чрезмерно ценны для поезда. Вы, наверное, найдете, среди уложенных вам в дорогу вещей, какие-нибудь маленькие, скромные серьги. А волосы в дороге не украшаются ничем.

– Как странно. У нас именно в дорогу и надевается все самое драгоценное, – ответила Наль.

Довольно долго капитан сидел, отвернувшись к окну, думая, как трудно будет Наль привыкать к новой жизни, на каждом шагу натываясь на затруднения.

– Ну вот, я готова, – услышал он за спиной.

Наль стояла перед ним в белой блузке и синей юбке. Волосы ее были гладко причесаны на пробор и уложены вокруг головы. Казалось, этой прелестной головке было тяжело выносить тяжесть заплетенных в косы волос, а непривычка к шпилькам заставляла Наль все время пробовать рукой, на месте ли ее косы. Сквозь тончайший батист просвечивало розовое тело рук и груди. Выражение огромных глаз было радостным, доверчивым. В них не было ни одного облачка сомнений или сожалений о покинутом доме и родных. Ни малейшей тревоги о неизвестном будущем – ничего сейчас не было на лице Наль, кроме желания получить одобрение капитана своему внешнему виду.

Уверив ее, что все в ней не оставляет желать лучшего, капитан проводил свою жену в умывальную комнату и остался ждать ее в коридоре.

Мысли о Левушке – до сих пор его единственном близком спутнике жизни и путешествий – пробежали облаком в сердце капитана. Левушка, возвратившийся с пира. Левушка, распечатавший письмо. Левушка, впервые пускающийся в жизнь без него...

«И здесь мой ответ за две жизни», – снова подумалось капитану.

Проводив Наль из умывальной комнаты обратно в ее купе, лорд приказал проводнику позвать из своего отделения секретаря. Секретарь, человек опытный и немало путешествовавший в жизни, устроил все дела по части завтраков и обедов на весь путь. Наль не знала никакого беспокойства насчет этой стороны дела, все подавалось супругам в их купе.

Первый день путешествия приходил к концу. Наль освоилась со своим новым бытом, и все окружающее перестало ее удивлять. Она больше не поражалась свободе обращения не закрытых паранджой женщин с мужчинами, но выходить из купе до полной тишины и темноты ночи она отказывалась. Без всяких приключений, сменяясь на дежурстве при ней, доехали наши путники до Москвы. Наль ни слова не спросила о том, как они минуют Москву, а очутившись в новом поезде на Петербург, чувствовала себя свободно.

Часто замечал капитан напряженные мысли на ее лице, но не мешал ей решать свои вопросы одной.

В переполненном петербургском поезде им пришлось ехать всем в одном купе, чему Наль, уже успевшая несколько привыкнуть к тому, что ее лицо открыто, очень радовалась.

Она, казалось, не замечала встревоженного вида дяди в Москве, когда тот шепотом что-то говорил капитану. Она была ровна и спокойна и в Петербурге, где их встретили двое незнакомых людей и очень торопили на пароход. Пораженная великим городом, она с сожалением сказала:

– Проехать мимо всех этих красот, не заглянув даже ни в один дом! Какая жалость, капитан Т.!

– Не зная хорошо языка народа, посмотреть бегло на его дома и галереи – это тоже жалость, Наль. Будет время, и вы еще увидите много народов и всех красот, ими созданных,

познакомитесь с их жизнью и сможете, если захотите, вплести свой труд и красоту в их жизнь. Не спешите узнать все сразу. Сейчас помните только, что вы – знатная дама, моя жена. Жизнь на пароходе, с его табльдотом, вам будет труднее поезда.

Наши пассажиры вошли на пароход со вторым гудком. И только когда пароход отчалил, Наль заметила, как разошлись суровые морщины на лице капитана и как легко вздохнул ее дядя.

– Если бы здесь был дядя Али, – прошептала Наль капитану, – он рассказывал бы мне обо всем и видел бы во мне усердного слугу-помощника своим заботам. А ему я только племянница, а не жена.

– Упрек ваш мне тяжел, Наль. Особенно тяжел потому, что и я, как Али, вижу в вас друга и помощника. Но пока мы не встретимся с Флорентийцем и не будем обвенчаны, я ничего не могу вам сказать. Даже того, куда и зачем мы едем.

– Если вы не говорите мне ничего только потому, что вы связаны словом, данным дяде Али, – я совершенно спокойна. Я думала, что вы уже не любите своей маленькой жены, которая ничего не знает, даже не понимает, как ей вести себя на пароходе.

– Простите, граф, что я прерываю вашу беседу с женой, – подошел к капитану Т. капитан парохода, обращаясь к нему на английском языке и считая в порядке вещей, чтобы русский граф знал его язык. – Ваши места оказались врозь с вашей очаровательной женой, – кидая восхищенный взгляд на Наль и кланяясь ей, продолжал капитан парохода. – Но так как вы едете от места и до места, я могу предоставить вам самую лучшую каюту, в которую не явились пассажиры. Если вам угодно, я велю отыскать вашего секретаря и укажу ему каюту.

– Я чрезвычайно тронут вашей любезностью. Если вас не затруднит устроить нас вместе, а мое место передать моему секретарю, мы будем вам очень благодарны.

– Помилуйте, я сам предложил вам. Я буду очень счастлив служить вашей супруге и вам чем только могу в течение всего нашего пути, – ответил, снова галантно кланяясь Наль, капитан парохода.

– Как же мы с вами поедem вместе в одной комнате, капитан Т.? – подавляя волнение, сказала Наль.

– Ничего, друг, не беспокойтесь. Вы еще не знаете, как будете выносить качку, ваш дядя ее переносит плохо. Если окажется, что вы плохо переносите качку, то будет лучше, если братом милосердия при вас буду я, чем кто-либо чужой.

– Мне очень страшно здесь. Это гораздо хуже, чем поезд. И почему все так смотрят на меня? – тихо спрашивала Наль, стараясь скрыть смущение.

– Нельзя, немислимо быть такой прекрасной, Наль. И я даже не могу сердиться на этих людей, которые – от матросов до капитана и от юношей до стариков – как ошалелые смотрят на вас. Если бы я был на их месте и имел бы право только исподтишка смотреть на вас, а не откровенно вами любоваться, как я это делаю сейчас, я бы вел себя точно так же. А потому не могу на них сердиться.

Наль вспыхнула, улыбнулась мужу и сказала:

– Услышать это от вас сейчас – большая поддержка для меня. Мне так много пришлось передумать за эти дни. У нас не такие обычаи, как у вас. У нас все иначе между мужем и женой. Я думала, что вы уже недовольны, что уехали со мной.

– Когда мы очутимся в каюте, а не здесь на ветру, вы мне все расскажете, что надумали, Наль. А пока укройтесь, пожалуйста, плащом, да, кстати, опустите и вуаль, чтобы непривычный ветер не испортил вам кожи.

– Или непривычная ревность не испортила сердца вашему мужу, – низко кланяясь графине, сказал подошедший секретарь. – Ваши каюты готовы, лорд, и даже украшены цветами, по приказанию капитана. Кроме того, ваши друзья из К. успели прислать графине два сундука с бельем и платьем, которые тоже уже стоят в каюте.

Капитан парохода, человек лет сорока, хороших манер и, очевидно, доброго характера, сам шел уже навстречу обратившей на себя всеобщее внимание чете и проводил их до каюты.

– Вот так красавец-мужчина, – сказала своей подруге разряженная дама.

– Всю жизнь прожил – подобной живой красавицы-женщины и представить себе не мог, – говорил приятелю ловелас с моноклем в глазу и тросточкой в руках.

– Ну вот, придумали, – возразила дама. – Муж – это да! Это мужчина! И где только мог вырасти такой красавец. А жена – смазливенькая, каких много.

– Это возмутительно, что вы говорите. Рост, пропорциональность, крошечные ручки и ножки, свежесть кожи – ну а уж глаза – это само небо, – продолжал фронт.

Тем временем, как только пароход вышел в открытое море, Наль почувствовала себя плохо.

– Немедленно ложитесь в постель, – сказал граф, на руках внося Наль в каюту. Он позвонил горничной. – Вам сейчас помогут лечь. Примите эти пилюли. Не волнуйтесь. До больших неприятностей дело не дойдет. Но вряд ли вам придется своей красотой побеждать сердца попутчиков за табльдотом. Думаю, самое большее, вы доконаете капитана, сидя в кресле на палубе в тихие дни.

– Не смейтесь надо мной, капитан Т. Мне так горько, что вы больше ни разу не взглянули на меня за это время.

– Напротив, Наль, я все ловил себя на том, что только и делал, что смотрел и думал о вас. А, видит Бог, было еще много, о чем думать.

– Неужели вы уйдете на этот ужасный табльдот и оставите меня одну?

– Нет, конечно. Я сейчас поищу в вашем сундуке, там, наверное, найдется какой-либо очаровательный халат. Вы снимете свое платье и будете лежать, изображая загадочную принцессу, скрываемую в каюте Синей Бороды. Но прежде всего я велю принести апельсинов, а вот вам в помощь идет девушка.

– О, только девушку не надо. Апельсин я очень хочу, ванну и постель – тоже. Но раздеваться и одеваться я дала себе слово всегда сама. Я вижу, как это плохо – быть приученной иметь семь нянек.

Капитан Т. отправил девушку за фруктами, открыл сундук и, к восхищению Наль, достал ей прелестный теплый халат. Бедняжка страдала от северного лета и ветра. Как ни помогали ей лекарства, но все же ей пришлось пролежать все путешествие, изредка сидя в кресле на палубе в солнечные дни.

– Если бы вас не было со мною, я бы умерла от этих дождей и туманов. Это хуже тюрьмы. Но так как вы здесь, то все мне кажется уютным, даже этот шум ливня, – говорила Наль графу.

Капитан сидел возле Наль, держа ее ручки в своих и стараясь помочь ей переносить тяжелую качку.

– Мы встретим в Лондоне одного друга дяди Али, Флорентийца, – сказал однажды капитан.

– Флорентийца? Это что? Его имя?

– Так его все зовут, а имени его ни я, ни кто другой не знает. Когда вы увидите его, Наль, вы поймете, что такое красота.

– Это очень странно. Дядя Али – красавец. Али Махмуд – красавец, еще лучше. Вы, – зарделась Наль, – всех лучше. Разве можно быть красивее вас?

– Я спрошу вас об этом в Лондоне, – засмеялся граф, – после встречи с Флорентийцем.

Наконец мучениям Наль настал конец. В одно прохладное, туманное утро пароход подошел к пристани, доставив в Лондон совсем больную Наль, измученных секретаря и слугу и совершенно здорового графа Т. Загар с его лица почти сошел от постоянного сидения в каюте с больной женой, недомогание которой выражалось в такой слабости, что к концу путешествия

она уже не могла вставать... От этого его лицо, блондина с вьющимися светлыми волосами и темными, очень красивыми дугами бровей, только выиграло.

Поручив вещи носильщикам и уговорив секретаря побыть со слугою на пароходе, пока он за ними не вернется вторично, граф подошел к самому парапету, пристально вглядываясь в ожидавшую на берегу толпу. Сначала на его лице, кроме напряжения и разочарования, ничего не выражалось. Но когда половина пассажиров уже сошла, внезапно лицо его просияло и, обменявшись с кем-то приветственным жестом, он быстро прошел в свою каюту. Оставив в ней своих секретаря и слугу, граф пошел попрощаться с капитаном и попросил разрешения оставить на четверть часа в своей каюте больного секретаря со слугой, пока он не посадит в киб жену и не вернется вторично за своими спутниками, столь ослабевшими, что без его помощи они не смогут добраться до гостиницы.

Получив не только разрешение, но и полное сочувствие и предложение всякой помощи, граф укутал жену в плащ и понес ее на руках на берег.

– Привет тебе, Николай. Я очень рад, что вовремя поспел. Но, как ни спешил, тебе все же пришлось ждать меня, – услышала Наль английскую речь очень приятного, мягкого по тембру, довольно низкого голоса.

– Поверьте, я ждал бы до самого конца разгрузки парохода, раз вы приказали мне ждать вас здесь.

– Это на тебя похоже! Во всем, всегда и везде можно быть уверенным, что ты все выполнишь точно, раз приняв приказ, – снова сказал тот же голос. – Не тревожься о Наль, дай мне ее на руки и веди своих инвалидов. Видишь у сквера зеленую карету? Веди их прямо к ней.

Наль почувствовала, как другие сильные руки подняли ее. Ей показалось, что человек, взявший ее на руки, ростом много выше Николая, как назвал незнакомец ее мужа. Ей хотелось сначала запротестовать и сказать, что она вовсе не так уж слаба, чтобы переходить с одних рук на другие. Но, едва коснулись ее руки незнакомца, неизъяснимое чувство счастья, почти блаженства, охватило ее.

– Отец, – невольно прошептала Наль. И – точно незнакомец подслушал шепот ее уст и сердца – его сильные руки еще нежнее охватили ее. Совсем как в детстве, спасаясь от глупых строгостей тетки на руках дяди Али, Наль почувствовала себя под надежной защитой. Ей теперь даже не надо было видеть того, к чьему сердцу она так доверчиво приникла, – она чувствовала себя слитой с ним еще крепче, чем с дядей Али.

Николай вернулся со своими спутниками, все разместились в экипаже и тронулись по серым и однообразным улицам, заполненным дымом и туманом. Ехали довольно долго, пока не выбрались на красивую, широкую улицу и остановились у подъезда двухэтажного особняка, окруженного садом с цветниками.

– Доверь мне донести твоё сокровище до комнат, отведенных тебе и ей, – обратился Флорентиец к Николаю. – А ты проводи своих друзей в две комнаты внизу, с левой стороны. И дай им немедленно лекарство, ты знаешь, какое и как. Часа три-четыре они проспят и после этого смогут кушать. Сам же, уложив их, приходи наверх. Услышишь наши голоса – на них и иди.

Легко, как будто Наль была куклой, Флорентиец вышел из экипажа, держа ее на руках, сказал что-то на непонятном ей языке кому-то, очевидно, слуге, и пошел вверх по лестнице.

Наль было стыдно, что ее несут как дитя. Ей было неловко обременять кого-то собой, и вместе с тем чувство необычайного счастья, радости и впервые познанной любви к отцу заставляло ее сожалеть, что лестница не бесконечна, что уже пройдена одна площадка и скоро будет комната, где ее поставят на ноги.

Положив ее на диван, Флорентиец, смеясь, снял с ее головы часть плаща и ласково сказал:

– Теперь посмотри на того, кого ты в мыслях уже признала отцом. Быть может, взглянув, ты не захочешь выговорить это слово? Или сердце твое угадало раньше уст?

– О, как вы прекрасны, отец. Аллах, Аллах, как вы сияете! – прикрывая глаза рукой, сказала Наль. – О, отец, теперь я не смогу больше жить без вас! Позвольте мне поцеловать ваши руки. Мне кажется, первый раз в жизни я понимаю, что такое счастье. Здесь, подле вас, ничего не надо. Только бы исполнять вашу волю.

Наль соскользнула с дивана на ковер и припала к рукам Флорентийца, сидевшего на низкой табуретке у ее изголовья.

– Встань, дитя, мы с тобой будем долго вместе. И я рад ответить полною любовью на твой зов. Будь моею дочерью, как твой муж, Николай, уже давно мой сын. И, называя меня отцом, ты только берешь то, на что имеешь право. Вот, съешь эту конфетку, и через час ты будешь бегать не хуже, чем в саду дяди Али. Можешь ли ты объяснить мне и себе ясно: почему, будучи воспитана Али, обожая его, любимая им, ты назвала меня отцом и заявила свое право на это, прикоснувшись ко мне? Его же ты ни разу не назвала отцом.

– Это очень странно, отец. Действительно, все, что до сих пор я имела в жизни, – все от дяди Али. Все через него. Все – его заботами и даже борьбой и подвигом. Все, все, – зардевшись, говорила Наль, – и... капитан Т., которого ты зовешь Николай, и даже встреча с тобой, отец, – все только от него, от дяди Али.

Но выразить вряд ли смогу, почему моя любовь к дяде Али была не то что смешана со страхом, но... От него исходит такая сила. Он для меня так недостижимо высок, что почувствовать себя с ним так просто, как с тобой, я никогда не могла. Я все время чувствовала, что между мною и им стоит огромная гора света, и проникнуть за нее я не могла. А когда встретила тебя, отец, то, даже еще не видя, уже почувствовала, как мне просто и легко с тобой. Если теперь ты меня оставишь – я жить уже не смогу. Даже любовь Николая, если бы он любил меня, – горько вздохнула Наль, – меня не удержала бы на земле без тебя.

– Если бы Николай любил тебя, дочь? Что это значит? В чем ты сомневаешься?

– Нет, отец, я ни в чем не сомневаюсь. Если дядя Али послал меня сюда – значит, здесь и есть моя жизнь и судьба. Я встретила тебя и теперь понимаю, что дядя послал меня к тебе. Он только сказал, что мы с Николаем – муж и жена. Но, видно, иначе он отослать меня к тебе не мог.

– Но кто сказал тебе, что брак ваш не состоится? Что Николай тебя не любит?

– Никто не говорил. Только видишь, когда я стала невестой, перед брачным пиром тетка все время объясняла мне, как муж обращается с женой, если он ее любит. Но...

– Смейся, дитя, над всеми предрассудками мира, а особенно над теми утлыми понятиями, которые ты вынесла из гаремной жизни. Немного времени пройдет, и ты поймешь всю силу любви и преданности Николая тебе. Целую вереницу жертв Николай принес ради тебя, и ты их узнаешь. Будь с ним так же проста и открыта, как сейчас со мной. И ты поможешь и мне, и дяде Али. А помощь твоя и Николая нам, прежде всего, заключается в той новой, освобожденной семье, которую вы оба должны создать. Ну, вот и муж твой. Сюда, Николай.

Приподняв портьеру, на пороге показался Николай.

– Ну конечно, я не сомневался, что Наль будет сразу поднята на ноги вашим волшебным присутствием, Флорентиец. Она так сияет, что мне не о чем спрашивать.

– Отец приказал мне звать вас Николаем. Мне хотелось бы назвать вас как-то иначе, как зовет вас Левушка. Но я буду звать вас так, как зовет отец, в честь его, в постоянную память о нем. У меня в ушах будут звенеть два голоса – его и мой собственный – каждый раз, когда я буду произносить: «Николай».

Флорентиец засмеялся, а на лице Николая выразилось удивление.

– Все это хорошо, дочь моя, у нас времени впереди много, мы еще обо всем поговорим. А сейчас тебе надо привести себя в порядок, принять ванну. Потом надо одеться к лицу и сойти вниз завтракать. Я приготовил тебе девушку-горничную. Она этой профессией никогда раньше не занималась, но жизнь ее затрепала. У нее старушка мать и мальчик брат, которого

надо учить. Найти же в Лондоне хороший заработок, чтобы содержать двух человек одной женщине, – почти невысказано. Я взял ее к себе, чтобы куда-либо пристроить. Теперь, я думаю, лучше, чем к тебе, ее и не пристроишь. Она знает языки, знает все правила этикета, у нее много вкуса. Она будет тебе полезна. Я ее сейчас приведу.

Флорентиец скрылся так быстро, что Наль ничего ответить не успела. Тут в комнату вошел один из слуг хозяина дома, прося у Николая указаний, как разместить привезенные с пристани вещи.

Спустившись с лестницы, Флорентиец вошел в чудесную комнату с балконом, обитую зелеными шелковыми обоями и обставленную немногими старинными вещами. Шкафы с книгами и письменный стол были из светлого, золотистого дерева с инкрустацией из черепахи. Пройдя комнату, он вышел на балкон и позвал:

– Дория, пройди ко мне сейчас же.

В саду послышались поспешные шаги, и на дорожке к дому показалась высокая женская фигура. Женщина прошла через балкон в комнату Флорентийца.

– Садись, Дория. Ты просила меня помочь тебе. Ты сама знаешь, как много и при этом радостно Ананда для тебя сделал и как ты, дав обет беспристрастия и отказа от зависти, увязла в чувстве горечи. Знаешь, как тяжела теперь для тебя жизнь, ставящая тебя все время в положение существа зависимого, второстепенного. На каждом шагу жизнь выбивает из тебя все крючки зависти и ревности.

– Да, жизнь была мне тяжела, когда я лишилась моего руководителя Ананды. Я страдала и до сих пор страдаю от сознания, что нанесла ему, моему милосердному поручителю, удар своими стрелами страсти и зависти. . . Но в вашем доме жизнь – более чем счастье. Мое сердце чисто. В нем теперь нет ни зависти, ни пристрастия, ни осуждения людям, я жду только, когда вы поверите до конца моей верности и укажете труд, который вы обещали мне дать. Я должна в этом труде доказать вам свое новое понимание счастья жить, служа вам, и этим снять с Ананды ответственность за себя.

– Уверена ли ты, что всякий труд, который я укажу тебе, ты будешь исполнять радостно? Что в тебе не проснутся опять гордость и чувство униженности или зависть и ревность к чужой блестящей жизни?

– Я уверена. Уверена даже не в себе, не в своих качествах. Я уверена в истинной любви к человеку, проснувшейся во мне.

– А если бы я предложил тебе стать слугой у юной, прекрасной, как мечта, женщины? Служить ей горничной и даже нянькой, потому что она неопытна, как дитя. Быть ей незаметно наставницей в манерах и одежде, потому что она азиатка, и не только не знает света, но и вообще не видела европейской жизни. Как отнеслась бы ты к такому труду?

– Служа ей, я служила бы вам. Служа вам, я искупила бы грех перед Анандой и вернулась бы к нему.

Долго, долго смотрел на Дорию Флорентиец. Так долго, что у женщины участилось дыхание. Точно до самых глубин ее души проникал его взгляд и читал в ней не только ее теперешнее состояние, но и всю ее будущую жизнь и возможности. Наконец он встал, улыбнулся и сказал ей:

– Слово твое сейчас – твоя подпись в веках. Я даю тебе свою подпись под твоим новым обещанием. Дитя, за которым я поручаю тебе уход, – это надежда не только моя, но и многих. Я не знаю, насколько великодушна будет она вначале к тебе, и будет ли вообще.

– Я буду великодушна к ней. Благословите меня, Флорентиец, я думаю, что больше не поскользнусь, под какой бы личиной ни стремилось проникнуть в меня зло.

Дория опустилась на колени, прижала к губам дивную руку Флорентийца, который положил ей на голову свою вторую руку.

– Пойдем, она ждет, – сказал Флорентиец, поднимая Дорию.

Дория отерла влажные глаза и казалась удивленной.

– Да, это здесь, в моем доме, и тебе никуда уезжать не надо.

– Какое счастье! – радостно воскликнула Дория.

Флорентиец направился к выходу и, оглянувшись в дверях, сказал ей, улыбаясь:

– Привыкай к роли служанки-горничной и учись ходить позади своих госпожи и господина.

Войдя к Наль, он подвел к ней Дорию и сказал:

– Вот горничная, что я тебе обещал, дочь. Ее зовут Дория.

– О, какое красивое имя, не менее красивое, чем вы сами, – подымаясь с дивана и положив руку на плечо Дории, сказала Наль.

Дория поднесла к губам руку своей новой хозяйки и сказала, что будет стараться служить ей всей верностью, как только сумеет.

– О, Дория, как огорчили вы меня. Зачем вы поцеловали мне руку? Я возвращаю вам поцелуй, – и, раньше, чем кто-либо успел опомниться, Наль поцеловала руку сконфуженной Дории.

– Я не знаю света, Дория. Но дядя Али научил меня понимать, что нет в жизни слуг и господ, а есть люди, цвет крови которых одинаково красен. Не слугой вы будете мне, но другом, наставницей в тысяче новых для меня вещей, которых я не знаю. Отец, я уже успела осмотреть комнаты, которые вы отвели мне. Куда мне столько комнат? Можно Дории жить в прелестной угловой комнате, выходящей в сад? Я бы так хотела, чтобы ей было легко и весело со мною.

– Ты маленькая хозяйка и своих комнат, и Дории. Поступай, как хочешь. Боюсь, что своим восточным очарованием ты не только меня с Николаем, но и весь дом скоро заберешь в плен, – шутил Флорентиец. – Но времени теперь не теряй. Готовься и приходи завтракать по звуку гонга. Он дается за четверть часа до каждой еды.

С этими словами хозяин дома ушел, уводя с собой Николая.

– Дория, друг. Я совсем ничего не умею делать и не знаю, что в этих сундуках. Они открыты, но что выбрать, чтобы нарядно и подходяще к случаю одеться по вашим правилам, я не понимаю.

– Не беспокойтесь, графиня, ванна уже готова, я усажу вас в нее и вернусь выбрать подходящие туалеты. Вы наденете тот из них, который вам больше понравится. Если же не понравится ни один, вы примиритесь с ним пока, а потом мы поедем в город и купим все, что будет нужно.

– Дория, у нас не принято, чтобы девушки звали свою хозяйку иначе как по имени. Прошу вас, когда мы одни, зовите меня Наль, как делается в нашей стране. Если же по требованию здешних приличий надо меня величать титулом, то делайте так только на людях.

По выходе из ванны, освеженная, прекрасная, точно весенний цветок, Наль с восторгом ребенка рассматривала приготовленные ей Дорией три платья.

– Эти все годны для завтрака, – сказала горничная, усаживая свою госпожу перед большим зеркалом. – Господи, как вы прекрасны, – сказала она, распуская ее роскошные волосы.

Кто-то постучал в дверь, и подошедшей Дории восточный слуга сунул в руки узелок, завязанный в чудесный персидский шелковый платок.

– Для Наль, – сказал он и ушел.

Наль развернула узелок, и оттуда выпали две косы, перевитые жемчугом, с драгоценными наконечниками на концах, отрезанные ею в комнате капитана Т. в день бегства из К. Там же было и роскошное покрывало.

– Что это? Это точь-в-точь ваши вьющиеся волосы.

– Они самые и есть. На них не налезала шляпа, да они и выдали бы меня своей длиной. Даже у нас, где много женщин с хорошими волосами, мои косы до полу всех удивляли. Вот я их и отрезала, – спокойно беря косы, ответила Наль.

– И вам не жаль было лишиться себя такой исключительной красоты?

– Ах, Дория. Красота – это так условно. До сегодняшнего дня я думала, что мой муж красивее всех на свете. А сегодня поняла, что красота может быть еще и божественно прекрасна.

– Да, – засмеялась Дория, – я согласна, что вы божественно прекрасны и никакая богиня Олимпа вам не страшна. Но разрешите мне причесать вас по моде, а то мы все гонги пропустим.

Уложив волосы Наль большим узлом на затылке, спустив по бокам небольшие локоны ее вьющихся волос, Дория укрепила в волосах большой гребень из желтой черепахи, отысканный в ее вещах, и такие же шпильки, отделанные мелкими бриллиантами. Наль стала выбирать платье.

– У нас надевают много халатов один на другой. По вашему обычаю, нельзя надеть их все три вместе? Они так прекрасны.

– Нет, никак нельзя, – смеясь, разводила руками Дория. – Надо решиться на какое-нибудь одно.

– Как жаль, – так серьезно сказала Наль, что Дория снова покатила со смеху. Наль вторила ей и, наконец, выбрала и надела платье из золотистого мягкого шелка, отделанное у шеи и рукавов кружевом. Тонкая, высокая шея, выходящая из едва открытого ворота, короткие рукава – все изменяло Наль до неузнаваемости.

– Я вижу, вернее, слышу, что вы превесело одеваетесь. Можно войти?

– Ах, нет, никак! – закрывая обнаженную шею руками и ища, чем бы прикрыть голые руки и фигуру в обтягивающем платье, вскрикнула Наль, узнав голос Николая.

– Как нельзя? Да ведь вы совершенно готовы, – входя, удивился Николай, видя свою жену в полном туалете.

Наль, закрывая все так же шею, с полными слез глазами стояла перед ним.

– Что случилось, Наль? Кто вас обидел? В чем дело? Я только что хотел сказать вам, как вы необычайно хороши в этом платье, но ваши слезы расстроили меня, я даже забыл, с чем пришел.

– Ну, уж я понял, что без меня здесь не обойдется. И чтобы первый завтрак прошел весело, явился сам вести тебя в столовую, дочь моя, – появляясь во фраке и открытом белом жилете, блистая красою, сказал Флорентиец. – Тебе неудобно и неловко в доме отца, каким ты меня признала, в обществе мужа, которого любишь, быть с открытой шеей и руками? Это предрассудок, дитя. Брось его. К чистой женщине, к ее чистым мыслям не могут прилипнуть ничьи грязные взгляды и мысли. Тебе придется бывать в большой толпе с открытыми плечами. Привыкай и помни одно: атмосфера чистоты несносна злу. Оно бежит от нее. Надо в себе иметь что-либо злое, чтобы зло могло тебя коснуться.

Он взял из рук Николая футляр, открыл его и вынул два крупных камня грушевидной формы, зеленый камень и бриллиант на тонкой цепочке из этих же мелких камней.

– Позволь мне надеть тебе на шею эти камни. Белый дарит тебе твой дядя Али – камень силы. Зеленый даю тебе я – это камень такта и обаяния, камень чистоты и умения приспособиться ко всем обстоятельствам жизни.

Он надел на шею Наль цепочку, и камни заиграли на белых кружевах. Наль подняла свои огромные глаза и головку со слезами в глазах и улыбкой на устах. Рядом с величественной, громадной фигурой Флорентийца, на прекрасном лице которого отражались мир и гармония, она была похожа на ребенка.

– Возьми мою руку, как тебя обучил этому Николай, и пойдем в мою комнату. Там ты встретишь двух моих друзей. Не растеряйся, если они поцелуют тебе руку. Если количество блюд за завтраком будет тебя смущать или ты не будешь знать, как их есть, посмотри, что делаю я или Николай – мы оба постараемся показывать тебе все фокусы моды и этикета, называемые воспитанием, так, чтобы, кроме тебя одной, этого никто не замечал. Пользуясь правом хозяина дома, я буду тебе накладывать первые блюда сам. А затем, когда ты поймешь, как это делается

по здешним требованиям, ты, возможно, сама захочешь рискнуть и сделать это для меня или для мужа.

Сойдя с лестницы, Флорентиец ввел Наль в свою зеленую комнату.

– Как прекрасно здесь! Какой балкон! Сколько книг, почти столько же, как у Николая.

– Гораздо больше. Здесь, подальше, есть одна из лучших библиотек, какую можно встретить в частном доме, Наль, – сказал Николай жене.

Раздался стук в дверь, и один за другим вошли в комнату двое мужчин, которых хозяин приветствовал очень сердечно и, взяв их обоих под руки, подвел к Наль.

– Позволь тебе представить, Наль, моих двух друзей. Это – лорд Мильдрей, а это просто индус, студент Оксфордского университета, Сандра Сатананда. Для тебя – просто Сандра. Он еще мальчишка и, наверное, будет играть с тобой в куклы. Моя дочь, – закончил Флорентиец.

Лорд Мильдрей, человек на вид лет под тридцать, плотный, серьезный, с большими, добрыми и проницательными глазами, приветливо улыбался. Низко кланяясь, он почтительно поцеловал руку Наль, подал ей две розы и молча отошел. Он был, видимо, поражен и красотой Наль, и тем, что у Флорентийца оказалась дочь, о чем он раньше не знал.

Сандра, смуглый, с живыми, блестящими, черными как уголь глазами, напомнившими Наль об Али, не мог сдержать смеха при упоминании о куклах. И зубы его, белые на смуглом лице, сверкали, точно мраморные.

– Простите, графиня, но ваш отец заставил меня сразу выскочить из всех рамок установленных приличий, которым меня так долго и терпеливо обучает мой друг, лорд Мильдрей. Будьте великодушны к оксфордскому отшельнику, не так давно приехавшему из Индии, и для первого раза – простите. – И Сандра поцеловал протянутую руку так сердечно, что Наль почувствовала себя с ним очень просто.

Гонг ударил вторично, Флорентиец подошел к Наль и повел ее к столу. Стараясь как можно увереннее идти, Наль не могла скрыть удивления, когда они вошли в столовую, где высокие стены и потолок были из резного темного дерева. Флорентиец подвел Наль к длинному столу, где стояли приборы только на одном конце стола, и посадил ее на место хозяйки, на узкой стороне стола. Поклонившись Наль, он занял место по правую ее руку, по левую руку сел Николай, рядом с ним лорд Мильдрей, а Сандра возле Флорентийца.

Оказавшись в первый раз в жизни в обществе мужчин не только без покрывала, но еще с открытой шеей и руками, Наль чувствовала себя совсем расстроенной. И только сознание, что рядом с ней ее верные защитники, которым она вручила добровольно свою судьбу, помогло ей наблюдать, что и как они делали, и учиться жить по-европейски. Она старалась забыть о себе и думать только о них, как бы скорее перенять все и облегчить их заботы о ней.

– Ну, Сандра, как идут твои уроки воспитания? – услышала она голос Флорентийца.

– Из рук вон плохо, – сверкая снова всеми зубами, весело смеясь, ответил индус.

– Неужели все еще бегаешь по улицам, шагаешь через три ступеньки по лестницам и не помнишь, из какой рюмки какое вино надо пить?

– О, много хуже, лорд Бенедикт, – ответил Сандра, немало удивив Наль таким обращением к Флорентийцу.

Она с удивлением взглянула на Николая, говорившего ей так недавно, что у Флорентийца иного имени нет. В глазах Николая засветился юмор, но ответа на ее немой вопрос он никакого не дал.

– Мои таланты к усвоению внешней галантности приводят в отчаяние моего доброго наставника. Куда бы он меня ни ввел, я в том доме непременно оскандалюсь и уже вторично не рискую и являться, что немало печалит меня, – со вздохом признался Сандра.

– Зато таланты моего молодого друга в науке настолько поразительны, – вмешался лорд Мильдрей, – что он сразу перепрыгнул через два курса и сдал недавно работу, которую весь профессорский синклит счел гениальным произведением.

– Я вам многим обязан, граф, – сказал Сандра, обращаясь к Николаю. – Обе ваши книги, изданные вами под именем капитана Т., как и последняя ваша брошюра о технике и математике, в связи с движением механики по неизбежным законам математики, дали моей теме такой основательный фундамент, что мне стыдно принимать одному похвалы за свою работу. В предисловии я упоминаю об источнике моего вдохновения, то есть о вас.

Удивление Наль возрастало непомерно. Легкое прикосновение руки Флорентийца вернуло ее на землю.

– После завтрака я расскажу тебе, Наль, об одном моем молодом друге, имя которого Левушка. И объясню, чем ты мне сейчас его напомнила, – тихо сказал Флорентиец Наль, пока между Николаем и Сандрой шел ученый разговор.

Воспользовавшись минутным молчанием, Флорентиец спросил Сандру:

– Все же ты мне не объяснил, за что тебя не пускают вторично в приличные дома.

– Ах, лорд Бенедикт, это целая трагедия. Только что лорд Мильдрей толковал мне, как надо кланяться дамам издали. Идти за ними надо осторожно, чтобы не оборвать оборок на их шлейфах, и так далее. Я все это учел как следует, довел свою даму до места и подал ей чашку чая. Начал я с нею, по моему суждению, самый светский разговор, как тетка нашла его мало приличным, подседа к нам, чтобы направить нас на самые модные темы, и ввернула под мои ноги свой несносный шлейф. Ну, конечно, когда я встал с места, ее юбка отскочила от пояса, это было так смешно, что я и многие другие рассмеялись. Виноват ли я, что вся техника ее платья заключалась в булавках у пояса?

– Он, видите ли, лорд Бенедикт, завел с ее дочерью разговор о курицах и телятах, – снова вмешался лорд Мильдрей. – Ну, сами понимаете...

Звонкий смех Наль утонул в общем смехе.

Вставая из-за стола, Наль несколько раз попробовала, крепко ли сидит на месте ее юбка, чем насмешила все подмечавшего Николая. Перейдя в гостиную, которой Наль еще не видела, она удивилась тому, что золотистые обои, мебель и портьеры с коричневыми кистями и мелким бордюром из белых лилий были почти одного тона с ее платьем.

Флорентиец предложил Наль самой подать всем гостям маленькие чашечки кофе. Наль сделала это с такой особенной грацией и изяществом, что Сандра воскликнула:

– Клянусь всеми богами Востока, что, если бы лорд Бенедикт не поразил меня сегодня, познакомя с вами как с его дочерью, я готов был бы присягнуть, что вы приехали с Востока.

– Я тебя еще больше удивлю сейчас, – поглядев серьезно на Наль, сказал Флорентиец. – Завтра моя дочь выходит замуж. Обряд венчания должен совершиться без всяких пышностей, толпы и оповещения. Ты говорил мне, что у тебя завелся поклонник твоей мудрости – пастор. Не может ли он совершить обряд, ни о чем нас не расспрашивая, не требуя оглашения?

– Помилосердствуйте, лорд Бенедикт, когда же я вам говорил, что он поклонник моей мудрости? Он просто мой большой приятель, прощающий мне мои погрешности в этикете. Человек он исключительно честный и добрый и рад всем услужить. Я немедленно к нему отправлюсь и сообщу вам его ответ.

Проглотив кофе, Сандра встал, чтобы исполнить желание хозяина.

– Для ускорения дела садись в мой экипаж и, если сможешь, привези пастора сюда. Здесь он увидит сам жениха и невесту...

– И не устоит против чар невесты, – смеясь, перебил Флорентийца Сандра. – Еду, ручаясь, что привезу пастора.

Отдав общий поклон, Сандра вышел.

– Вы не откажетесь, лорд Мильдрей, быть свидетелем на свадьбе моей дочери? – спросил второго гостя Флорентиец.

– Сочту большим счастьем присутствовать при соединении двух людей такой красоты. Я думаю, что, если бы я мог прожить еще десять жизней, второй такой свадьбы я уже не увидел бы, – ответил лорд Мильдрей.

– Вы совсем переконфузили Наль, – рассмеялся хозяин.

Лицо Наль было задумчиво, даже немного печально. Казалось, она даже не слышала, о чем говорили вокруг.

– Отец, я хотела бы написать дяде Али. Письмо мое, конечно, не успеет до завтра к нему. Но все же я хотела бы ему написать.

– Другими словами, ты желаешь нас покинуть до приезда пастора. Ну что же, как нам ни приятно твое очаровательное общество, уж так и быть, мы перенесем часа два-три разлуки. Ты можешь не торопиться, пастор живет на другом конце Лондона, и одной дороги к нему минут сорок.

С этими словами Флорентиец проводил Наль до двери и открыл ее перед ней, кланяясь и улыбаясь ей.

Вернувшись к себе и застав Дорию за разборкой сундуков, Наль была удивлена количеством помещавшихся в них вещей. Но на этот раз, едва взглянув на ряд красивых платьев, она сразу перешла в свой будуар и, плотно закрыв дверь, села за письмо Али.

«Мой дорогой дядя Али. Сейчас я живу в Лондоне, в доме человека, которого никогда не знала и не видела, и в моей жизни совершаются чудеса одно за другим.

Сейчас я расскажу тебе, мой любимый дядя, о первом и самом великом чуде, совершившемся сегодня. Я знаю, что не найду точных слов, чтобы его выразить. Но также знаю, с раннего детства знаю, что, если только я всем сердцем тебя зову, ты тотчас же отвечаешь мне. Ах, вот и сейчас так ясно вижу твои черные глаза, добрые, благословляющие. Их лучи точно проникают в меня, согревают. И теперь я знаю, что найду нужные слова, – ты поймешь все, что мне необходимо тебе сказать.

Дядя, как могло случиться, что, выращенная, воспитанная, скажу прямо – созданная тобой, я ни разу не назвала тебя отцом? Ты и я – это для меня как бы одна плоть, один дух. Я всегда, везде, во всем точно где-то сбоку возле тебя. Я – часть тебя. Меня немислимо оторвать, потому что сердце мое слилось с твоим, а образ твой – он как бы сверкает у меня между глаз, я будто ощущаю его вросшим в мой лоб.

Отец ли ты мне после этого? Отец. А между тем, имея все в жизни от тебя, через тебя, все – от детства и защиты в нем, до любви и мужа, – я никогда не сказала тебе этого слова. А здесь, сегодня, неведомый мне доселе твой друг Флорентиец взял меня на руки – и сердце мое утонуло в блаженстве и сказало: “Отец”.

Когда я увидела его, мои уста повторили это слово и выдали еще одну тайну, скрытую в сердце: что жить без него, того, кому я сказала “отец”, я уже больше не смогу.

Тебя нет со мной, но как ясно я сейчас вижу тебя в твоём саду, точно я рядом с тобой, и я живу. Я уехала от тебя, дядя, не без скорби и тревог, хотя сила твоя – я ее чувствую – трепещет во мне так же, как жила и трепетала при тебе и с первых минут разлуки с тобой. Я уехала за мужем, которого ты мне дал. Я все это время дышала, жила, любила. Но теперь, если бы жизнь повернулась так, что из нее для меня исчез бы тот, кому я сказала “отец”, – я бы уже жить не могла. Разве только подле тебя, дядя, той силой, что лилась и льется в меня сейчас от тебя. У меня такое чувство, точно я тебя обокрала. Точно я взяла у тебя кусок жизни, врезалась в нее, а возвращаю тебе часть любви, а не всю любовь до конца.

Но ведь на самом деле это не так, дядя Али. Ты для меня – все, вся суть жизни. Если бы ушел из жизни ты, я ушла бы даже не от тоски, а как часть тебя, хотела бы или не хотела бы я этого, выбирала бы или не выбирала бы я себе такую долю.

Главное в моей теперешней жизни – это он. Тот, кому я сказала “отец”. Не знаю, поймешь ли ты меня, я так путано выражаюсь. В нем, в отце, светит такое обаяние, такой радостью веет

от него, точно какой-то путь из света тянется за ним и перед ним. И мне не надо закрывать глаза рукой и говорить, как тебе: “Дядя Али, убери свой свет, он меня ослепляет”. Его свет я не только выношу – он мне несет блаженство. От твоей силы я падала, точно разбитая, а его сила дает мне уверенность в защите. Но и это еще не все, мой друг, мой обожаемый дядя Али. Ты дал мне мужа, того, кого я после тебя любила больше всех. Я ехала легко, я думала, что им тоже любима. Если и не так любима, как любят женщин у нас, то все же любима. Но этого, дядя, нет. Отец сказал сейчас, что завтра будет наша свадьба. А я не плачу только потому, что помню, как, расставаясь со мною, ты мне сказал: “Там твой путь”.

Сила твоя – о, как я ясно вижу тебя сейчас, как ласково ты улыбаешься мне, – вошла в меня. Я маленькая женщина, я ничего еще не знаю, но сила твоя, верность твоя живут во мне и будут жить до смерти. Ты пойми, дядя Али, мой дядя-создатель. Я не протестую, но я чувствую себя навязанной мужу.

Отец сказал, что помощь моя тебе, ему и многим будет заключаться в той новой, освобожденной семье, которую я и Николай должны создать. Я знаю, что такое закрепощение в предрассудках. Знаю уродливую семью, где выросла сама. Думаю, что знаю, как должны создаваться радостные, гармоничные семьи. Но для этого нужны двое. Для этого нужна любовь обоюдная. А Николай меня не любит. Он не только не прижал меня к сердцу ни разу, он даже не поцеловал меня, не обнял, не приласкал. Он точно боится меня и говорит мне “вы”.

О, дядя, вдохни в меня уверенность. Моя верность тебе и данному тобой завету поколебаться не может: она живет в тебе, я ее черпаю в тебе, я часть тебя. Но что толку держать верность в сердце и не уметь действовать каждый день именно так, как надо...

Я знаю теперь, я поняла все, что ты сейчас мне говоришь, дядя, дядя, я услышала все, что ты сказал! Какое счастье, что я теперь понимаю, что ты послал меня к отцу сюда! Да, да, теперь я буду знать, как мне завоевать любовь мужа, как мне создать семью. Он – отец – научит меня, и ты об этом знал. О, это снимает бремя с моей души. Я не могу вообще выносить ни в чем компромисса или двойственности. Меня так мучило, что ты можешь подумать, будто где-то, краешком сердца, я изменила тебе.

Я ношу в своем сердце скорбь о горе Али Махмуда. Но, видит Аллах, я ему ничем и никогда не подала надежды. Напротив, я ему доверила тайну моей любви к капитану Т. Он ей не верил и шутил, называя его принцем из сказки.

До свидания, дядя. Я снова твоя счастливая Наль. Я уже не буду горевать, я буду стараться действовать просто. Теперь, когда я вдруг увидела тебя, услышала твои слова, я знаю, как, где и у кого спрашивать совета, если отец не сможет мне его дать. И мне легко, я знаю, как тебя позвать. Я буду садиться за письмо к тебе – и увижу тебя в твоём саду, а потому буду всегда твоей счастливой Наль».

В дверь постучали, и Николай вошел звать Наль знакомиться с пастором.

– Бог мой, что с вами, Наль? Вас точно подменили. Вы уходили такая печальная, а сейчас, право, вы точно пропитались светом и гармонией в саду Али.

– Это верно. Мои детские горести рассеял дядя Али. Его сад, где были мои мысли, развеял этот противный туман. А если бы вы разрешили мне надеть еще какой-либо шарф, мне было бы и удобнее и теплее. Здесь мне все время холодно.

Николай позвонил и приказал Дории подать графине какой-нибудь теплый шарф. Через минуту он проводил свою закутанную в белую шаль супругу обратно в гостиную.

– Ну вот, вы видите перед собой теперь обоих моих детей, – сказал Флорентиец, подводя к пастору Николая и Наль.

– О да, ваши дети подходят друг другу. Признаться, когда мой оксфордский приятель рассказывал мне о красоте невесты, я ему не очень верил, потому что о женихе он мне сказал: «Такого ученого, красавца, мудреца и воспитанного человека мог найти своей дочери только лорд Бенедикт. Это надо выдумать в романе такую пару, и то в романе восточном, а не англий-

ском». Но так как Сандра бредит Востоком – я не особенно ему поверил. Теперь же я рад соединить ваших детей хоть сейчас.

Пастор был высокого роста, седой, но со свежим и молодым лицом. Необыкновенная доброта сквозила на его умном лице и в синих глубоких глазах. Он сел напротив молодых людей и, соединив их руки, сказал:

– Я уверен, что через двадцать лет, стоя во главе большой семьи, вы будете примером своим соседям и будете все так же влюблены друг в друга.

На лице Наль появилось такое явное замешательство, что добрый старик, устремив на нее пристальный взгляд, тихо спросил:

– Вы любите своего жениха?

– О да, очень, и давно, – не колеблясь, ответила Наль.

– Давно, значит, с детства. Вам не может быть более шестнадцати лет, хотя ваш туалет и делает вас солиднее. А вы, вы любите вашу невесту?

– О да, очень, и давно, – повторяя в точности ответ Наль, сказал, улыбаясь, Николай.

Быстрый как молния взгляд, брошенный на Николая, вспыхнувший на лице Наль румянец, сменившийся бледностью, заставили на мгновение задуматься пастора. На его добром лице выразилось огорчение. Он еще раз взглянул на прекрасное, дышавшее честью лицо Николая, и внезапно его собственное лицо просветлело.

– У вашей дочери, лорд, вероятно, нет матери? Не разрешите ли вы мне переговорить с нею несколько минут без свидетелей?

– Я буду вам очень благодарен. Если вы заметили в сердце Наль какое-то замешательство, вам будет легче венчать ее, если вы уверитесь в ее любви к будущему мужу, – ответил Флорентиец.

– Нет, у меня нет сомнений, лорд. Но женщина, вступая в брак по любви, должна быть спокойна и уверена и в себе, и в муже. Я думаю, тут есть маленький детский страх, который я сумею рассеять.

Флорентиец открыл дверь в соседнюю комнату и, пропустив туда Наль и пастора, закрыл за ними дверь. Как только они переступили порог комнаты, оба замерли от удивления и какого-то особого чувства мира и благоговения. Комната была вся белая, обтянутая белой материей, блестящей, как шелк, и похожей на замшу. Там был пол из белых и золотых плит, походная кровать, обтянутая такой же материей, как стены, и на ней две звериные шкуры. На белом столе высилась зеленая высокая ваза с букетом лилий.

– Как здесь дивно. Здесь все как сам отец, – прошептала Наль.

– Надо и вам быть всегда таким вот храмом для вашего мужа и детей. Ваш муж сейчас относится к вам как к святыне. А вы думаете, что он вас не любит. Идите, дитя, ваш жизненный путь – как эти лилии, на которые вы похожи чистотой и красотой. Здесь, в эту минуту, я венчаю вашу душу с душой вашего мужа. Берегите его. Ему много предстоит испытаний. Охраняйте его. Неся по жизни бремя красавицы-жены, не каждый смог бы пронести сердце без ревности и подозрений. Ваш муж не мог бы перенести ни мгновения вашей неверности. Будьте честны до конца, бдительны и добры. Остальное придет.

– Я поняла вас. Я буду думать о муже, а не о себе. Отец и он помогут мне создать семью. Я благодарна вам. Теперь я знаю, я спокойна.

Точно чувствуя, что пора открыть дверь, Флорентиец встретил на пороге Наль и пастора. Если лицо Наль Николай назвал преображенным, когда пришел за ней наверх, то теперь оно сияло так, что у экспансивного Сандры вырвался не то стон, не то крик. Наль бросилась на шею Флорентийцу, который поднял ее и прижал к себе. Опустив ее на землю, улыбаясь и указывая на Николая, он сказал:

– А его разве не обнимешь?

– Завтра, – по-детски прижимаясь к Флорентийцу, закрываясь шарфом, сказала Наль.

Лицо Николая вдруг стало смертельно бледно и напряженно. Он обрадовался родственнику Наль, которого Флорентиец тут же представил гостям.

– Наконец-то я пришел в себя. Море меня уложило, а этот холод заставляет кровь стынуть в жилах.

– Это легко поправимо, – любезно ответил хозяин и приказал развести в камине огонь, чем обрадовал Наль и Сандру, к удивлению северян, которым было жарко.

Пастор подошел к Флорентийцу и, условившись о часе венчания, дав точный адрес церкви, пожал руки влюбленным и вышел, провожаемый хозяином.

Как ни хотелось Наль поговорить с Николаем и рассказать о дивной комнате Флорентийца, она инстинктивно почувствовала, что обязана занять гостей до возвращения отца. Поблагодарив Сандру за его хлопоты, она выразила удивление, как у него, такого юного, может быть такой пожилой друг, как пастор.

– Все мои попытки найти себе друзей в университете не приводят ни к чему. Я не увлекаюсь ни боксом, ни другим спортом, вижу в них только необходимую тренировку тела. А мои товарищи видят в них одну из осей жизни. Попытки лорда Мильдрей ввести меня в семейные дома также оказались неудачными. Что же мне делать? Я ищу друзей среди людей науки.

– Но ведь вы не думаете, что с девушками можно говорить только о курицах и телятах. Я, правда, не знаю тоже, какие темы полагается выбирать в гостиных, – смеялась Наль, – но я представляю себе, что вы могли бы обогатить каждого своим разговором, побудив человека мыслить по-новому, если вы так потрясаете умны, как говорил нам лорд Мильдрей.

– Вот то-то и оно, графиня, что есть такое маленькое словечко «такт», которое помогает жить людям и с малым умом, – добродушно сказал лорд Мильдрей. – Оно же мешает выбраться из постоянных ошибок умнику.

Возвратившийся Флорентиец сердечно поблагодарил Сандру, сказав, что он у него в долгу. Условившись, что оба свидетеля заедут к двенадцати часам следующего дня к нему, Флорентиец просил их не беспокоиться об экипаже, который будет их ждать в его доме. Из церкви все проедут к нотариусу для ввода во владение новым имуществом мужа и жены, а затем к раннему обеду вновь сюда. Удивлению двоюродного дяди Наль не было границ.

– Я получил поручение Али, моего друга и брата, доставить вам, Флорентиец, Наль, которая должна стать женой капитана Т. Но чтобы вручить ее вам как дочь, об этом я не имел никаких указаний.

– Но зато я их имел, – перебил его Николай. – Так же, как имею и еще одно указание Али, чтобы вы присутствовали на нашем бракосочетании, а затем возвращались домой вместе со своим слугой.

– Слава Аллаху, значит, мне не надо сопровождать вас ни в Америку, ни куда-либо еще?

– Нет, – смеясь ответил Николай. – Вы даже можете ехать обратно домой через Париж, и вам придется только пересечь пролив на ненавистном вам пароходе.

Флорентиец предложил Наль и Николаю проехаться с ним по городу до обеда, а дрожащему от холода южанину дал книгу, которой он обрадовался больше, чем ребенок кукле. Укутав старика у камина в плед, трое друзей, переодевшись в соответствующую погоде одежду, поехали в экипаже по шумным улицам Лондона. Наль, никогда не видевшая такого большого города, да и в К. знавшая только его часть, через которую проезжала в загородный дом дяди Али, была так поражена, что только молча поворачивала из стороны в сторону свою прелестную головку.

Флорентиец называл ей выдающиеся музеи, говоря, что она их вскоре посетит. Обещал сводить ее в театр, о котором она имела понятие только из книг. Изредка он упоминал, кому принадлежит тот или иной роскошный особняк или выдающийся по архитектуре дом.

Повернув на одну из улиц, экипаж внезапно остановился у небольшого одноэтажного дома. Дом был красив по архитектуре, хотя старинного и немодного образца, с небольшим, прекрасно ухоженным садом, окружавшим весь дом.

– Здесь живет милый пастор, так доброжелательно отнесшийся к нам, и особенно к тебе, Наль. Не хочешь ли нанести ему ответный визит и, кстати, посмотреть церковь, где ты будешь завтра венчаться? – спросил Флорентиец.

– Ах, очень хочу. Но не могу скрыть, отец, что стесняюсь войти первый раз в чужой дом. Я не знаю, как себя в нем вести.

– Очень просто. Так, как если бы ты пришла к друзьям. Если будешь нести доброту в сердце, не сделаешь бестактности. Не кланяйся по-восточному, а протягивай только руку, что ты, плутовка, умеешь делать теперь очень красиво.

Говоря с Наль, Флорентиец помог ей выйти из экипажа и ввел на довольно высокое крыльцо с двумя сходами. Николай ударил молотком в дверь, отчего раздался мелодичный звон, что тоже немало удивило Наль. Послышались поспешные шаги за дверью, и старый слуга впустил их в просторный холл, по стенам которого стояли высокие деревянные вешалки и стулья готического стиля, и на двух окнах стояло много цветущих цветов. Спокойствием веяло в доме. Всюду были разостланы ковровые дорожки и царили такая чистота и порядок, что это удивило не только Наль, но и чрезвычайно следившего за порядком Николая.

Взяв визитные карточки гостей, слуга ввел их в гостиную, тоже старинную, с огромным камином, большими диванами и креслами, обитыми синим шелком, и с белыми, безукоризненной чистоты, кружевными занавесками на трех широких окнах.

– Удивительно, как красиво внутри в западных домах. И так тихо в них, мирно, не то что у нас на Востоке в семьях, отец.

– Ты судишь пока лишь по моему и этому дому, по единственным западным домам, которые ты видела. Но когда-нибудь ты увидишь и будешь различать дома так, что их внешняя роскошь не скроет от твоих глаз внутренних язв разложения, дочь моя.

Дверь соседней комнаты открылась, и вошел пастор, приветствуя своих неожиданных гостей и благодаря их за честь посещения его дома.

– Я хотел сделать невесте маленький сюрприз к завтрашнему дню, – приветливо сказал пастор. – Любой девушке должно быть скучно венчаться в окружении одних мужчин. Я так много наговорил о юной невесте моей жене и дочерям, что они решили немедленно обновить свои белые платья и быть вам завтра подружками на венчании. А жена будет посаженной матерью, как полагается по здешним обычаям. Но сейчас, лорд Бенедикт, узнав о вашей любезности, свойственной только истинно высокой культуре, мои дочери и жена не желают пропустить случая познакомиться заранее с вами и вашей дочерью. Слышите, какое там нетерпеливое ожидание? Если вы ничего не имеете против, я их позову, – глядя на Наль, сказал пастор.

– О, как вы добры, вы верно поняли мою маленькую детскую печаль, что ни одной женщины не будет на моей свадьбе. Если можно, разрешите нам познакомиться скорее.

Пастор открыл дверь, за нею стояли три женские фигуры с цветами в руках. Старшей женщине было лет сорок; она была полноватой, с ярко-рыжими волосами, большими черными глазами и резкими черными бровями, словно вырисованными на белой коже высокого лба. Разделенные на пробор волнистые волосы, свитые у шеи в тугие косы, были огромны. Женщина была еще молода и очень красива.

– Леди Катарина Уодсворд, – сказал пастор, подводя ее к Наль. – Моя жена венецианка, – прибавил он, обращаясь ко всем. – А это вот – первый номер, мисс Дженни Уодсворд, как видите, не просто вся в мамашу, но прямо-таки точная ее копия. Это – номер второй, мисс Алиса Уодсворд, вся в папашу, не имеющая возможности претендовать на венецианское происхождение, судя по цвету своих волос.

Девушки и мать отшучивались, пока пастор рассказывал всем о том, как им хотелось познакомиться с невестой. Пастор сказал, что его младшая дочь даже решила пойти посмотреть хотя бы дом невесты и оставить ей в подарок букет цветов из своего сада.

– О, папа, – заразительно засмеялась девушка, – ты приехал таким влюбленным в заморскую красавицу, что поневоле всех нас взбудоражил. Но я согласна, что предмет твоего восторга еще очаровательнее, чем это можно было представить по твоим словам.

Если Наль была восточной красавицей, чьей красоте невозможно было не изумляться, если Дженни нельзя было не заметить из-за ее их медных волос и темных бровей и черных блестящих глаз, контрастирующих с алебастровой кожей и алыми губами, то Алису нужно было рассмотреть, чтобы оценить ее красоту. Ее пепельные, слегка с золотом, красиво вьющиеся волосы, не такие густые, как у матери и сестры, но зато легкие, играли, как ореол вокруг лица, и выбивались у висков и шеи. У нее были темно-синие, как южное небо, чуть выпуклые глаза, как у ее отца. Какая-то особенная искренность, чистота во всем облике, живость манер и грация делали ее удивительно обаятельной. От нее веяло любовью и миром, она казалась центром, объединяющим всю семью. Доброта Алисы покорила каждого. Пасторша и ее старшая дочь, сердечно приветствуя Наль и ее спутников, все же походили на светских дам, радушно принимающих приятных, но чужих людей. Алиса же сразу обняла Наль, восхищаясь ее красотой и совершенно не сознавая красоты своей собственной. По-детски всплеснув руками, она сказала:

– Папа был прав. Он говорил, что Сандра не нашел красок описать вас.

– Но Сандра, кажется, что-то говорил и о нас, – раздался голос Флорентийца за спиной у Алисы. – А вы на нас и поглядеть не хотите, мисс Алиса, – с неподражаемым юмором произнес лорд Бенедикт, поклонившись девушке, и представил ей Николая.

Девушка, почти ребенок, как и Наль, смутилась, покраснела и, взглянув на Флорентийца, низко присела в реверансе.

– Я не могу понять, кто же из вас отец, а кто жених. Вы оба женихи, по-моему, – робко сказала она.

– Не знаю, для кого из нас ваши слова являются комплиментом, но мы оба благодарим вас за него, – под общий смех ответил Флорентиец.

– Не откажите выпить с нами чашку чая, – предложила хозяйка. – У нас, по старинному обычаю, чай пьют в столовой, а не в гостиной.

Алиса снова подошла к Наль, предлагая ей снять шляпу, что та охотно сделала и стала выглядеть еще красивее. Флорентиец сел рядом с Алисой и спросил ее, не ей ли принадлежит инициатива быть подружками его дочери на завтрашней свадьбе.

– Нет, папе. Как, впрочем, и все самое высокое и благородное, что выходит из нашего дома, всегда принадлежит ему.

– У вас как бы две партии в доме: вы и папа, ваша сестра и мама?

– Это верно до некоторой степени, потому что мы все очень дружны. Каждый живет, как ему хочется, и никогда мы не расходились во мнениях так, чтобы быть недовольными друг другом. Я думаю, вы очень хорошо понимаете меня. Вы тоже с вашей дочерью ни в чем не схожи. Но представить себе, что вы могли бы быть друг другом недовольны, невозможно.

Общий разговор как-то внезапно смолк, и все услышали, как Дженни говорила о последних книгах капитана Т., которые ей дал Сандра, восторженно о них рассказывая. Хваля автора, девушка и не предполагала, что видит его перед собой, а желала только блеснуть своей образованностью. Николай подшучивал над этими дифирамбами, указывая на недостатки книги и уверяя, что автор мог бы лучше разработать свои тезисы, чем привел в негодование юную венецианку, горячая кровь которой вспыхнула розами на ее щеках и огнем в глазах.

– Она, граф, у нас ученая, – засмеялся пастор. – А главное, обе сестры такие поклонницы Сандры, что его авторитет в этом доме стал просто непререкаем. Когда-нибудь сестры поссорятся с критиками, которым Сандра не нравится. Раз книга капитана Т. признана сим ученым

совершенством – конечно, граф, и не критикуйте. Но, признаться, книга и меня расшевелила. Много бы я дал, чтобы увидеть русского мудреца, написавшего ее. Это, вероятно, уже глубокий старик.

– Капитан Т. – старик? – Наль неудержимо рассмеялась, будучи не в силах представить себе Николая стариком. – Да ведь он перед вами. И ваша дочь, Алиса, несколько минут назад не могла решить вопроса, кто же из двух мужчин мой жених.

Пастор и вся его семья с удивлением смотрели на Наль, не улавливая соли шутки.

– Моя дочь не шутит. Капитан Т. – это псевдоним графа Т., жениха моей дочери, сидящего перед вами.

Дженни была поражена больше всех. Она теперь стеснялась Николая, книгу которого только что расхваливала, а Алиса, во всем подмечавшая юмористическую сторону, сказала Флорентийцу:

– Я предполагаю, что вы нарочно, лорд Бенедикт, не сказали нам, что граф – писатель. Потому что вы сами – я уверена – не только писатель, но... вот как бы это выразить, – задумалась она, – нет, не колдун, но все же что-то в этом роде. Вы все можете.

– Всемогущий Боже! – в притворном ужасе воскликнул пастор под веселый смех гостей. – Алиса, дочь моя, ты меня убила. Неужели это результат нашего воспитания, мать? – громче всех смеясь, говорил пастор.

– Сэр Уодсворд, ваша дочь очаровательный ребенок, и я понял вполне ее мысль. Уверяю вас, мы будем с нею отличными друзьями, – пожимая ручку Алисе, ответил Флорентиец.

– Дай-то Бог, – покачивая головой, серьезно сказал пастор.

Весело и непринужденно простились гости с хозяевами, и Флорентиец пригласил всю семью к себе на ранний обед завтра, после бракосочетания, сказав, что его экипажи будут ждать всех гостей у церкви.

Осмотрев церковь, поразившую Наль размерами, Флорентиец и его дети возвратились домой. Наль была задумчива во время обратного пути, и на вопрос Флорентийца призналась, что по обычаю Востока каждому гостю надо что-то подарить, а у нее нет ничего, и она не знает, что делать.

– Об этом не думай. Предоставь всю внешнюю сторону церемонии и заботы о ней мне. Лучше подумай об Али и Николае. Пойди в свою комнату, я приказал Дории приготовить тебе белый восточный костюм. Надень его, укрась себя по-восточному, как к свадьбе, и набрось драгоценное покрывало. Думай, что не завтра совершится твоя свадьба, где будет только внешний ее обряд, а сегодня, в святая святых твоего сердца. Через час сойди вниз, в ту комнату, где ты беседовала с пастором.

Пройдя к себе, Флорентиец дал лекарство старому дяде Наль, велел ему немедленно лечь в постель, обедать лежа и встать только завтра утром. Затем он вошел в свою тайную комнату, проведя в нее Николая.

– Мой друг, мой сын. Ты провел пять лет возле Али и так далеко двинулся в своих знаниях, что он принял тебя сразу в число своих близких учеников. Ты считал, что для тебя ученичество – это прежде всего целомудрие и безбрачие. Теперь, когда Али указал тебе путь вступления в брак и создания семьи, ты не протестовал, а принял это. Но в душе ты продолжаешь думать, что чем-то провинился и сходишь с тропы ученичества, которого не достоин. И все это только потому, что женишься на девушке, которую преданно и страстно любишь много лет.

Ты выполняешь приказание Али, повинуюсь ему беспрекословно. Но в сердце твоем боль. Тебе кажется, что ты сворачиваешь в сторону. Ты забыл, что ученик идет так, как ведет его Учитель. Ты не принимаешь во внимание, что те широчайшие планы, где все охватывает взор Учителя, не может охватить взор ученика, как бы мудр он ни был. Посвящения ученика идут по ступеням не только его личного роста. При этом учитывается и та сила помощи планам Учителя, до которой он созрел. Ты можешь служить сейчас не только великому плану Али,

но и моим планам, и планам многих других, кто отдает свою жизнь и труд на благо светлого будущего всего человечества.

Падение общей культуры тесно связано с нравственным падением и разложением семьи. Люди, закрепощенные в страстях, в тысячах мелких предрассудков, не могут помочь обновлению общества. И потому на ряд очень продвинутых учеников возлагается задача создания новой, радостной, раскрепощенной семьи. Только люди, обладающие мудростью, прожившие до часа свадьбы в полном целомудрии, могут стать истинными воспитателями для нового поколения нужных Учителю людей.

В твоей будущей семье среди пятерых талантливых детей должны воплотиться двое гениальных людей. Не огорчаться надо тебе, что ты изменяешь ту форму пути, которую сам выбрал, но быть счастливым и усердным учеником. Счастливым вдвое, ибо можешь выполнить ту задачу, которую Учитель тебе доверил. Создай мир под своим кровом. Создай честную семью, где будут царить правдивость и верность. Создай атмосферу доброты, чтобы Учитель мог всегда прийти к тебе и звать тебя за собою дальше.

– Я не от того страдал, что Али приказал мне изменить мой путь. Я приму любой указанный мне путь беспрекословно. Мне показалось, что Али, увидев мою любовь к Наль, снизошел к моей слабости. Но, Бог мне свидетель, я ни разу и ничем не дал девушке повода думать о той беспредельной силе любви, которая завладела мной.

– Чем немало и огорчил бедняжку, – улыбнулся Флорентиец. – Повторяю: оставь мысль о снисхождении к твоей несуществующей слабости. Только сильные, бестрепетные сердца нужны для дел Учителя, и только им он может посылать свои зовы. Его зов тебе – семья.

В этот момент раздался стук в дверь.

– Войди, – сказал Флорентиец.

Вошла облаченная в роскошное свадебное покрывало Наль. Ее белая фигура так гармонировала с этой белой комнатой, что казалась ее неотъемлемой частью.

– Сядь здесь, дочь моя, – усадил Флорентиец Наль на маленьком диване рядом с собой. – А ты, друг Николай, найдешь в моей туалетной комнате белый халат, точно такой же, какой прислал тебе в день пира Али. Там же увидишь длинную белую одежду ученика. Надень их и вернись сюда.

Оставшись наедине с Наль, Флорентиец взял ее за руку и сказал:

– Когда Бог зовет человека – Он дает ему два пути: или путь радости, или путь великой скорби. Середины нет. И ты, и твой муж – вы оба счастливые избранники, ибо обоим вам Он назначил путь радости. Ты была с детства подготовлена дядей Али к высокой духовной жизни. Это редкое счастье. Обычно человек много скитается по жизни, пока подойдет к источнику мудрости. Не горюй, что тебе сейчас предстоит оставить всех и все, к кому и к чему ты привыкла, уйти от Али и перейти ко мне. Через много лет, закаленная, ты вернешься к Али, к его пути силы, которая пока подавляет тебя, и ты не можешь на этом пути развернуть всех своих дарований. Ты пойдешь сейчас путем обаяния и такта. Пленяя людей красотой, ты своей чистотой будешь увлекать их на путь высокой духовности. Помни: зло никогда тебя не коснется, пока страх, неверность и ложь не коснутся тебя. Злу несносна атмосфера чистоты, и оно бежит ее. И только тогда, когда мелькнет тончайшая трещинка сомнений в твоём сердце, – только тогда зло сможет коснуться тебя. Все – в самом человеке. И не внешняя жизнь подавляет или обновляет его, но сам человек создает свою жизнь. Он сам носит в себе все свои чудеса.

Наль сидела, по-восточному закрывшись покрывалом, прикинув к отцу, и в этой позе нашел ее вошедший Николай.

Флорентиец откинул покрывало с лица Наль и помог ей сверх ее белого восточного наряда надеть халат из такой же материи, как белая одежда Николая, тонкой, как бумага, мягкой, как шелк, и матовой, как замша.

– Побудьте здесь немного вдвоем. Подайте друг другу руки и подумайте, какой серьезный шаг вы делаете. На всю жизнь вы отдаете друг другу свою верность. И в этой верности вы должны следовать за верностью Учителя, творя свой простой, обычный день в доброте, и этим исполняя закон жизни.

Оставив их одних, Флорентиец вышел. Наль подала руки Николаю.

– Прости, Наль, что я огорчил тебя и дал тебе повод думать, что я мало люблю тебя. Я не смел говорить тебе до сих пор о любви. Я считал невозможным для себя счастье прижать тебя к себе и прожить с тобой всю жизнь. Я думал, что мне назначено одиночество, а не радости семьи. Теперь я понял, какое великое и незаслуженное счастье пришло ко мне. Я отдаю тебе всю жизнь, как я отдал ее всему, что указал мне Али. Но тебе я отдаю ее в таком счастье, о каком никогда не мог мечтать.

– Николай, я никого не любила с детства, кроме дяди Али, в котором была вся моя жизнь. Едва я выросла, я увидела тебя. И... уже никогда больше не была свободной. Я была всюду с тобой, ты был неразлучен со мной. И если теперь меня отдают тебе – то я сама отдала себя тебе лет пять назад. Ты вошел в мою жизнь, в мое сердце, в мою душу точно так же, как дядя Али. И если до этой минуты я думала, что я навязана тебе, то сейчас я совершенно счастлива, зная, что ты тоже хотел меня в жены. Я же не могу принять жизни иной, как в роли твоей жены.

Дверь открылась, и вошел Флорентиец. Он был в белой одежде с широкой вышивкой внизу и на рукавах. Талию его высокой фигуры охватывал пояс из выпуклых изумрудов, а на его прекрасной голове была повязка из таких же камней. В руках он держал маленькую светящуюся палочку. Он поднял в восточном углу комнаты белую крышку стола, как думали сначала Наль и Николай, и под ней открылся небольшой мраморный престол, где горел огонь. Он поставил молодых людей перед престолом на колени и сказал:

– Здесь, перед лицом того Бога, что каждый из вас носит в себе, перед лицом вашей совести, чести и красоты, внутри вас живущих, я венчаю вас, соединяя навек. Сохраните вечную память об этой минуте. Не для похоти и чувственных наслаждений горит в вас любовь. Но горит в вас огонь вечной чистоты, в которой оба вы отдаете себя друг другу для великой цели. Вы будете не слепыми родителями, животными, безумно и лично привязанными к вашим детям. Вы будете хранителями тех душ, что придут через вас в жизнь. Вы создадите им мир. Чистый ваш дом будет им пристанищем, где им суждено будет родиться, погостить и уйти так, тогда и туда, куда позовет их Жизнь. Храните связь друг с другом, со мною и с Али. И несите не бремя жизни, не иго ученичества, но радость труда, разделенного с нами.

Он поднял обе руки над их головами. Прикоснулся палочкой к огню, горевшему на престоле, и затем, что-то говоря на языке, которого Наль не понимала, коснулся палочкой ее головы. Ей показалось, что по ней пробежал огонь, проник до самого ее сердца и что сейчас все на ней вспыхнет. Но Флорентиец уже повернулся к престолу, снова коснулся палочкой огня на нем и прикоснулся ею к голове Николая.

Он – так же, как и она мгновение назад, – весь содрогнулся. А Флорентиец уже вновь повернулся к престолу и коснулся попеременно огня обоими концами палочки. Когда оба ее конца засветились, он снова обернулся к ним и положил палочку одновременно на их головы. Глубочайшее содрогание, точно удар электричества, испытали вместе и Наль, и Николай. Теплые струи какой-то новой силы пробежали у каждого из них по позвоночнику к голове. Флорентиец положил палочку у горящего на престоле огня. Он взял с престола два одинаковых перстня, с изумрудом и бриллиантом каждый, и надел их жениху и невесте.

– Встаньте, – сказал он им. – Вы – муж и жена. Будьте всегда такими чистыми и, где бы вы ни жили, всегда ощущайте, что я рядом с вами. Сочетав вас браком перед этим огнем Вечности, я взял ваши жизни на себя. Перед Вечностью нет отцов, матерей и детей по плоти и крови. В Ней есть отцы и дети по духу и огню.

Пойдемте, я проведу вас в вашу спальню.

Он опустил покрывало на лицо Наль, соединил их руки, обнял их обоих, крепко прижав к себе, и пошел впереди них наверх. Проведя их через комнату Наль в другую дверь, которой она раньше не заметила, он ввел их в большую комнату, посредине которой стояла широкая белая постель. И все в этой комнате было белое, вплоть до ковра и шкур белых медведей, брошенных у каждой стороны постели. Подведя их к кровати, Флорентиец сказал Наль:

– Твой муж так же чист, как и ты. Он отдает тебе такую же девственность, какую ты отдаешь ему. Прими его не только как мужа, но как воспитателя и друга, мудрого руководителя, который знает много больше тебя.

До завтра, дети мои. Ровно в двенадцать часов я за вами приду. Будьте совершенно готовы к этому времени и ждите меня. Дорией сказано, как завтра одеть тебя, Наль.

Опустив полог над кроватью, Флорентиец вышел, закрыв за собой дверь...

Когда Наль проснулась утром, мужа рядом с ней не было, но она слышала плескание воды в ванной комнате рядом. Через несколько минут вошел в купальном халате Николай и, думая, что Наль спит, положил возле нее стеганый шелковый халатик и мягкие туфли, стараясь не делать шума. Наль рассмеялась, натянув на себя одеяло поверх головы.

– Наль, дорогая, вставай, ванна готова. Беги туда. Я боюсь, как бы ты не опоздала, уже около десяти часов. – С этими словами он быстро вышел из комнаты, а Наль скользнула в ванную, где ее уже ждала Дория.

– Во что вы меня сегодня оденете, Дория? Отец сказал, что дал вам все указания. Ведь сегодня будет много чужих людей. Надо, чтобы мы с вами не ударили лицом в грязь, – плескаясь в ванне, быстро говорила Наль.

– Не беспокойтесь, во что бы я вас ни одела – вы затмите всех.

– Ну, вот и ошиблись. У пастора такие дочери, что даже в сказках не найти. Одна рыжая.

– Рыжая? Что же тут хорошего?

– Я не сумею вам сказать, что именно. Но только она необыкновенная. Знаете, как-то ее не пристроишь ни к какому делу. Она – настоящая светская дама. А вторая – ну та простая, вроде меня.

– Значит, красавица? И косы, как ваши?

– Нет, она вся в кудрях. Глаза синие. Волосы пепельные с золотом. А доброта – вроде ангела. Так хороша! Лучше не найти.

Так беззаботно болтая, Наль хранила глубоко внутри, в сердце, какое-то новое сокровище жизни. Ни за что и ни с кем она не поделилась бы тем счастьем, которое наполняло всю ее душу. Она точно несла обеими руками чашу любви, полную до краев, которую боялась расплескать. В ее сердце ярко сияли три образа: дяди Али, отца-Флорентийца и мужа. Усевшись за туалетный столик, Наль доверилась умелым рукам Дории. Сама же мыслями унеслась в сад дяди Али, где снова так ясно увидела его улыбающимся, что рванулась вперед, почти разрушив старания Дории.

– Что случилось? Я причинила вам боль? – с отчаянием спросила Дория, у которой и гребень и шпильки выскочили из рук.

– Нет, Дория, простите. Господи, теперь вам надо все снова делать, и я опоздаю, – огорченно сказала Наль.

– Ничего, минута спокойствия – и прическа будет сделана, а это самое трудное.

– Наль, одиннадцать часов. Вы готовы? – раздался голос Николая. – Я жду вас завтракать. Выходите в халате, наденете платье потом.

Но Наль так боялась опоздать, что просила прислать ей кофе в комнату, говоря, что покажется мужу только на исходе двенадцатого часа, в полном параде.

Когда Дория вынесла из своей комнаты платье, над которым трудилась весь вечер и все утро, подгоняя его точно по фигуре своей хозяйки, Наль даже руками всплеснула, видя велико-

лепие этого туалета. Платье из белой парчи, с широким венецианским кружевом около ворота и рукавов, заставило ее сказать:

– Отец, отец, разве можно так баловать дочь?

Когда платье было надето, Дория подала туфельки из такой же парчи, а на открытой шее Наль застегнула изумрудный фермуар жемчужного ожерелья.

– Это все, вероятно, так положено. Но как бы я хотела сейчас самое скромное платье, самый бедный уголок – только бы не быть сегодня на людях и не слушать, как все будут говорить о моей красоте, – вздохнула Наль.

– Наль, если вы сейчас не выйдете, вы заставите нас обоих покраснеть перед отцом. Остается десять минут, – снова раздался голос Николая.

– Иду, я готова.

И, взяв быстро сунутый ей в руки маленький ридикюль с новым платком из точно такой же парчи, как платье, Наль вошла в свою комнату, где ее ждал Николай. Он был поражен ее видом. В платье со шлейфом, в туфлях на высоких каблуках, Наль казалась гораздо выше и тоньше обычного. Взгляд, которым обменялись супруги, сказал им обоим, что желание избавиться от людей в них было общим. Николай обнял свою жену, нежно и горячо поцеловал ее и тихо сказал:

– Наша жизнь принадлежит не нам, Наль. Мы должны жить на земле, для земли, для людей. Не тяготись сегодня суетой и теми, кто будет вокруг нас. Думай не о себе, а о каждом из тех, с кем будешь говорить.

Наль ласково возвратила поцелуй и ответила:

– Я постараюсь, мой муж, думать о каждом, когда буду с ним говорить. Но всякий раз, когда я пристально вглядываюсь в человека, я всегда чувствую, что в каждом живет беспокойство и страдание.

– Вот и носи, любимая, счастливая, благословляемая, успокоение и отдых тому, кто тебе встретился.

Раздались легкие шаги Флорентийца, и Наль поспешила раскрыть дверь, приветствуя отца.

– Я не хотела бы начать этот день, отец, с упрека. Но мыслимо ли приказать мне надеть такое платье? Дория говорит, что у самой королевы нет ни такой парчи, ни таких кружев, ни такого жемчуга.

– Их послал тебе Али, как и все вещи, которые ты нашла в своих сундуках. Он собирал все это не один год, – обнимая обоих супругов, говорил Флорентиец. – Сохрани это платье, кружева и драгоценности, и, когда поведешь к венцу свою первую дочь, передай их ей. А теперь пойдемте, наши свидетели ждут.

Спустившись в зеленую комнату, Наль была немало изумлена видом Сандры и лорда Мильдрей, во фраках, с блестящими цилиндрами в руках. Сандра был серьезен и, даже кланяясь и целуя руку Наль, не улыбался. Можно было подумать, что его смешливость пропала за ночь. Лорд Мильдрей подал Наль букет белых лилий и, смущаясь, сказал:

– Лилии дарит вам Сандра, уверяя, что вам немисливо подарить иной цветок. Это – его дело. Я же прошу вас принять этот браслет, который мне дал, умирая, мой дед. Он был большой оригинал, жил отшельником, хотя был человеком богатым. Он велел мне передать эту вещь той женщине, которая станет мне женой. Или же той, чище и прекраснее которой я в жизни не встречал. Так как все сроки для создания семьи прошли – мне скоро будет тридцать лет, – я прошу вас принять эту вещь. Она, как я слышал, была передана моему деду одним восточным мудрецом.

И он подал Наль браслет из топазов и бриллиантов какой-то удивительной древней работы. Игра камней в нем поражала своей красотой.

– Говорят, что на этом браслете камни сложены так, что образуют слова. Но скольким лингвистам я его ни показывал – ни один не смог увидеть в камнях какой-либо надписи.

– Не разрешите ли вы мне взглянуть на браслет, графиня? Я лингвист и знаю около сорока языков и наречий, – сказал Сандра. – А не так давно, по заданию вашего отца, изучил древний язык пали, на котором давно уже никто не разговаривает. Быть может, я и разберу что-либо.

– Пожалуйста, – протянула ему драгоценность Наль.

– О, конечно, это он – язык пали. Здесь написано: «Любя, побеждай». И читается очень легко и ясно.

– Значит, ты выполнил мое задание раньше срока, Сандра?

– Неужели, лорд Бенедикт, вы могли сомневаться в том, что я найду возможность выполнить ваше приказание раньше срока? Мне пастор дал на этот раз свою собственную, им составленную грамматику и свой ключ, а сам он купил у одного странного человека несколько записей на этом языке.

– Я вас еще не поблагодарила, лорд Мильдрей, но... это очень странно, но мне кажется, что вы еще женитесь, женитесь любя и будете очень счастливы. И вам понадобится этот браслет.

– Примите подарок, Наль. Если вы угадали, мы сумеем прислать лорду Мильдрею точно такой же браслет, – сказал жене Николай, принося сердечную благодарность лорду за его внимание.

Наль впервые получила приказ своего мужа, и что-то сказала ей, что браслет надо немедленно надеть на руку и не огорчать подарившего его человека.

К дому были поданы экипажи. В закрытую карету сели молодые с отцом, в открытую – Сандра и лорд Мильдрей, а следом за ними двинулись еще два двухместных пустых экипажа.

Церковь была залита огнями, пастор ждал молодых у входа, а обе дочери и мать усыпали путь Наль и Николая цветами. Музыка органа приветствовала их еще на паперти. Вскоре в церковь набилась целая толпа любопытных, привлеченных разговорами о необычайной красоте венчавшихся. Наль ничего не видела. Музыка потрясла ее до слез. Она крепко сжала руку мужа, точно прося его поддержки. Николай слегка наклонился к ней, и такая сила блеснула из его глаз, такой силой уверенности и любви повеяло на нее от его бледного, вдохновенного лица, что волнение ее утихло, слезы высохли и улыбка блеснула на полудетском прелестном лице.

Обряд венчания окончился. Все, кому было положено, расписались в ризнице в церковной книге и подождали несколько минут, давая пастору время переодеться. Выйдя из церкви, Флорентиец разместил по каретам Дженни, Сандру, Алису и лорда Мильдрея, пастора с женой, а сам сел снова с молодыми. Теперь все отправились к нотариусу.

Крупное пожертвование церковному причту и бедным прихожанам вызвало немало радостных толков у оставшейся на паперти толпы. Тем временем, подписав у нотариуса все необходимые документы ввода во владение новым имуществом и попутно приняв поздравления и восторги всей конторы, молодые и весь свадебный кортеж направились в дом лорда Бенедикта.

– А дядя? – войдя в дом, с ужасом спросила Наль.

Николай тоже было всполошился, но Флорентиец тихо сказал им обоим:

– У него снова был приступ малярии. Завтра мы его отправим с копиями документов и так ярко расскажем ему о пышном венчании, что он представит себе, будто и сам там был. Сейчас думай, Наль, только о гостях и учись быть обворожительной хозяйкой.

– Ты не находишь, что это немного трудно, отец?

– Нет, дочь моя, имея такого мужа, можно и не то победить.

Николай повел свою жену в большой зал, который Наль еще не видела, а Флорентиец, предложив руку пасторше, пригласил всех гостей следовать за молодыми. В зале было приго-

товлено шампанское. Николай шепнул Наль, чтобы она не пила, а только чокалась со всеми поздравляющими и подносила бокал к губам, делая вид, что пьет. Поздравив молодых, все прошли в столовую. Место хозяина занял Флорентиец. По правую руку сели молодые, рядом с ними Сандра и Дженни, по левую руку – Алиса и лорд Мильдрей, а рядом с ними пасторская чета.

Обед проходил оживленно. Сандра, Николай, пастор и Дженни говорили о последних достижениях науки. Пасторша и лорд Мильдрей оказались любителями живописи и театра. Только Алиса и Наль молча смотрели друг на друга.

– Что вы так смотрите на меня, графиня? Я вижу в ваших глазах такое сострадание и сочувствие, точно вы читаете что-то печальное в моей душе, – сказала наконец Алиса, ласково улыбаясь Наль.

– Я очень бы хотела стать для вас не графиней, а просто Наль. И в вашем сердце, кроме ангельской доброты, я ничего не прочитываю. Но мне кажется, что вы не так счастливы, как это выказываете.

Флорентиец посмотрел на обеих молодых женщин и сказал:

– Зачем загадывать, что будет завтра? Ты, Наль, стараешься угадать будущее Алисы. А тебе надо жить только радостным сегодня. Разве у вас есть печаль, Алиса, как утверждает моя бедовая дочь?

– Нет, лорд Бенедикт. Все, что я люблю, живет радостно вокруг меня. А если и есть у меня печаль, то она непоправима, потому что является частью жизни. Поэтому ее нельзя считать печалью, это просто одно из неизбежных слагаемых моей жизни.

– Вы, Алиса, решили это слагаемое принять и не бороться с ним?

– Может быть, я и неправа, лорд Бенедикт. Но, например, что толку бороться со смертью? Ее не избежишь. Так же и с неизбежными свойствами, которые живут в человеке. Какой смысл с ними бороться, если они составляют основу жизни и не могут быть выброшены – как рак или порок сердца – иначе как со смертью? Если изменить ничего невозможно, то надо принять жизнь такой, какая она есть для меня. Какое бы количество горечи ни было в жизни, все же это жизнь моих любимых. А без них – жизнь не имеет для меня ценности.

– Все количества сил природы, Алиса, переходят в качества. Это неотвратимый закон мира, в котором мы живем. Если сегодня некое качество в сердце человека ограничено, то завтра оно может увеличиться. И если вчера это качество наполняло сердце лишь одного человека, то завтра оно может разлиться озером, а быть может, и морем вокруг него, захватывая в свой поток все встречное. Так случается и с плохими, и с хорошими качествами людей.

Если сегодня любовь в сердце человека однобока и он может понимать счастье только в любви к «своим», то завтра – по тем или иным причинам – его сознание может расшириться, и он охватит своей любовью «чужих». Двигаясь дальше по пути совершенствования и знания, человек осознает, что нет вообще чужих и своих, а есть везде и всюду такие же люди, как и он сам. Один человек мог продвинуться дальше и выше. Другой мог намного отстать и остаться еще в стадии двуногого животного. А третий мог так далеко шагнуть вперед, что приходится зажмуриваться, чтобы на него посмотреть.

– Никогда еще мне не приходилось слышать евангельских истин, изложенных так легко и просто, лорд Бенедикт. У меня в душе будто посветлело, – улыбнулась Алиса, радостно, неотрывно глядя на Флорентийца.

– Возьмите, пожалуйста, это мороженое и посмотрите, какой художник мой повар. Он каждому положил на блюдце шарики семи цветов. Здесь присутствуют все цветовые символы мудрости, как они понимались в древности. Белый – цвет силы. Синий – символ самообладания и знания. Зеленый – цвет обаяния, такта, приспособления. Золотисто-желтый – цвет гармонии и искусств. Оранжево-дымчатый – цвет науки, техники и медицины. Красный – цвет любви, и,

наконец, фиолетовый – цвет пути религиозной и духовной мудрости, а также науки и механики движения всей жизни Вселенной.

Попробуйте выбрать в себе какое-либо из этих качеств в чистом виде – это невозможно. Все они, без исключения, живут в каждом человеке. Но, будучи основным светом на его жизненном пути, они засорены эгоизмом, страстями ревности, зависти и страха. Божественные качества и свойства, которые человек в зародыше принес на землю, оказались засоренными страстями.

И задача культурного человека – очистить все свои страсти. Сделать их радостью и миром сердца, и наполнить ими свой труд в буднях всей своей жизни. Тогда и отношения с теми, кого встречаешь, становятся не условностью быта, но красотой, бодрой помощью и энергией. Той энергией, которая пробуждает к творчеству всех, живущих рядом с тобой.

Веселый смех и разговоры за столом стали постепенно смолкать, и гости внимательно прислушивались к речам Флорентийца.

– Какое счастье для меня, лорд Бенедикт, – сказал пастор, – что я познакомился с вами. Помимо того, что я с восторгом и надеждой смотрю на две соединенные мною сегодня жизни, я благословляю Создателя, давшего мне возможность приблизиться к вам. Если вы сочтете возможным, чтобы вся моя семья осталась в числе ваших знакомых, мы постараемся заслужить себе название ваших друзей.

– Я не только буду этому рад, сэра Уодсворд, но и очень благодарен вам за встречу, – ответил пастору хозяин дома. Поверьте, если моя мудрость кажется вам столь высокой, то и я тоже нашел, чему поучиться в мудрости вашей. В Индии говорят: «Никто тебе не друг, никто тебе не враг, но всякий человек тебе учитель».

Далее Флорентиец объявил:

– Обед окончен. Дорогие гости, прошу в зал, там сервирован кофе.

С этими словами он встал и подал Алисе руку. Алиса смотрела на него сияющими глазами, как на божество; он пригласил всех следовать за ними. Оставшись в последней паре, молодые муж и жена, тесно прижавшись друг к другу, обменялись несколькими взволнованными словами.

– Нет, Наль, для нас не может быть пустых дней. Мы здесь будем жить недолго, а потом поедem учиться, и для тебя начнется студенческая жизнь. Здесь отец задержит нас ровно настолько, чтобы мы смогли усвоить все светские манеры и традиции, чтобы к этому вопросу больше не возвращаться, когда мы попадем в широкие слои общества. Кроме того, в твоём образовании есть немало пробелов. Ты совсем не знаешь музыки, хотя прелестно поешь свои народные песни. Ты знаешь творчество Шекспира, Шиллера, Мольера, но никогда не была в театре. Готовясь быть – насколько для нас возможно – настоящими родителями-воспитателями, мы оба должны помогать друг другу взаимно совершенствоваться. Мы должны знать здешние порядки, чтобы понять, чего не следует вносить в нашу будущую жизнь.

Они присоединились ко всему обществу, когда все уже сидели за столом. Что-то царственное было в этой паре, входившей в зал. Если бы какой-либо художник захотел изобразить выход королевской четы, он не мог бы найти лучшего образца. Шепот удивления и восторга пробежал среди гостей.

– Положительно, граф и графиня, вы в моем воображении не умещаетесь в земные рамки! – с южным темпераментом воскликнул Сандра. – Если бы я был художником, я изобразил бы землю покрывающейся цветами там, где вы ступаете.

– Мой новый друг, мне кажется, для меня слишком много чести уже в том, что вы произвели меня в принцессу-лилию. И мой муж, будучи мужем цветка, и я, уподобленная лилии, и так уже обязаны благоухать. Но чтобы еще и цветы вырастали вокруг нас – это требование немислимое, – смеялась Наль.

– А я думаю, что именно вокруг вас, Наль, и вашего мужа будут расти цветы. Самые высокие и драгоценные цветы земли – дети, из-за которых и для которых стоит жить на свете, – очень серьезно, с волнением на прекрасном лице, сказала Алиса.

– О, Алиса! – укоризненно воскликнула пасторша.

– Что, дорогая мама? Я опять шокировала вас? Ну, на этот раз уж простите меня великодушно. Здесь мы среди таких добрых друзей, что, я ручаюсь, никто из них меня не осудит.

– Я испытываю большое желание низко поклониться вам, мисс Уодсворд, – сказал, вставая и действительно кланяясь ей, лорд Мильдрей, – но никак не осудить вас.

– А у меня такое страстное желание вас поцеловать, Алиса, что не исполнить его я не могу, – сказала Наль и, оставив руку мужа, подбежала к Алисе, обхватила ее шею руками и прильнула к ее губам.

Две женские фигуры, одна в царственной парче и жемчугах, другая в простом белом платье, одна темноволосая, зеленоглазая и высокая, другая – синеглазая, в ореоле светящихся золотыми блестками кудрей, гораздо меньше ростом, обе тоненькие, чистые, прелестные на своей семнадцатой весне, составляли такой контраст, что даже Сандра умолк. Наль посадила Алису рядом с собой и мужем и пододвинула ей чашечку с кофе.

– Жаль, что здесь нет некоторых из моих музыкально одаренных друзей, – сказал Николай. – Сердце так просит сейчас музыки.

– О, это легко поправимо, – снисходительно сказала Дженни. – У нашей Алисы род музыкального помешательства. Не знаю, насколько она может доставить удовольствие людям понимающим. Но нам с мамой она достаточно часов жизни испортила, – смеясь и хитро посматривая вокруг, продолжала Дженни.

– О, это было так давно, сестра, когда я тебе надоедала своей музыкой. Теперь моя комната и мой рояль в самом конце дома, где папа сделал специально для меня пристройку. Не верьте, сэр Бенедикт, что я такая несносная. Во всяком случае, сейчас я не решусь никого огорчать своей игрой, – умоляюще глядя на Флорентийца, сказала Алиса.

– Моя жена и старшая дочь не любят музыку, лорд Бенедикт. А мы с Алисой отдаем ей весь наш досуг. У меня в молодости был серьезный конфликт с отцом, так как я мечтал посвятить себя искусству, а ему хотелось, чтобы я избрал духовный путь. Алиса унаследовала не только мою любовь к искусству. У нее большой музыкальный талант, который можно было бы развить в хорошей школе.

– Пока я жива – этого не будет, – четко, жестко и зло сказала пасторша. – От твоего и ее пения – стекла дрожат. И вообще, я не желаю, чтобы Алиса срамилась сама и оскандалила нас в высшем обществе.

Пасторша вдруг стала походить на какую-то хищную лисицу. Ничего от прежнего добродушия в ее лице не осталось. А пастор, печально глядя на дочь, медленно подошел к ней, положил руку на ее светящуюся головку и тихо сказал:

– Храни мир, дитя. У Бога есть много путей, какими Он призывает людей. Лорд Бенедикт говорил, что многие люди идут по пути совершенствования также и путем гармонии и искусств. Если Богу угодно будет дать тебе такой зов, ты найдешь этот путь. И не смогут люди противостоять Богу.

– А я очень бы просил вас, леди Уодсворд, разрешить вашей дочери поиграть нам сегодня, – обратился хозяин дома к пасторше. – Если вы и ваша старшая дочь не любите музыки, то в моих гостиных вы найдете много альбомов с видами всего мира. А также много интересных вещей, привезенных из путешествий. В моем саду немало редких цветов. Есть и оранжерея, где сейчас цветут незнакомые вам виды цветов. Судя по вашему прекрасному саду и цветникам, думаю, что вы любите цветы.

– Вы заблуждаетесь, лорд Бенедикт, – прервала Дженни. – Это опять область одержимости папы и Алисы. Но Алиса – идол нашей семьи, мы ее обожаем, а потому выносим, конечно, все ее фантазии.

– Я бы очень не хотела, чтобы Алиса сегодня играла. Но если вы уж так хотите услышать ее любительскую игру, – криво усмехнулась пасторша, – то пусть Сандра проводит нас в оранжерею. Там я, по крайней мере, не услышу ни ее игры, ни пения.

На лице Сандры выразилось такое явное разочарование, что Флорентиец, с юмором в глазах, как-то особенно улыбнулся и что-то ему тихо сказал, чего не расслышал даже Николай, обладавший тончайшим слухом и стоявший рядом с Сандрой. Сандра незаметно вздохнул, крепко пожал Флорентийцу руку и сказал дамам, что постарается увести их так далеко в сад, чтобы ни бас пастора, ни сопрано дочери, ни тенор хозяина дома до них не долетели. Услышав о теноре хозяина дома, дамы, казалось, несколько поколебались в своем желании уйти, но было уже поздно. Флорентиец указал Сандре путь в оранжерею и попросил, чтобы обратно он провел дам через левое крыльцо дома прямо в желтую гостиную, где занял бы их альбомами или картинами. Хозяин сам проводил дам через балкон в сад, закрыл обе двери балкона и задернул плотную портьеру.

– Я очень смущаюсь, папа, – прильнув к отцу, сказала Алиса.

– Полно, дитя. Ты ведь знаешь, что стоит тебе прикоснуться к клавишам – и в тебе просыпается Бог, и ты забываешь обо всем. Играй и пой как всегда. Не думай о похвале или награде. Думай, какое выпало тебе счастье сегодня – воспеть перед Богом соединение двух прекрасных людей, любя их и желая усеять для них землю цветами, как сказал Сандра. Играй и пой для них песнь торжествующей любви. Не всем дано петь свою песнь любви. Кто-то должен петь ее для других людей, неся в сердце великий путь милосердного самоотвержения.

НИЧТО ВНЕШНЕЕ НЕ МОЖЕТ ПОДАВЛЯТЬ ЧЕЛОВЕКА, ЕСЛИ СЕРДЦЕ ЕГО СВОБОДНО ОТ СТРАХА И ЗАВИСТИ. ВСЕ ЭТИ ВНЕШНИЕ РАМКИ И РАЗНЫЕ ОТЯГОЩАЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА – ТОЛЬКО ИЛЛЮЗИИ. ПУСТОЙ, НЕУВЕРЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК, НЕ ИМЕЮЩИЙ ПОНЯТИЯ О ТОМ, ЧТО ОН САМ ВСЕ В СЕБЕ НОСИТ И ТОЛЬКО САМ ТВОРИТ СВОЙ ДЕНЬ, – ТОЛЬКО ТАКОЙ НЕВЕЖЕСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ ЖАЛОВАТЬСЯ НА ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И СТЕСНЯТЬСЯ ВСЕГО И ВСЯ.

В чудесных глазах пастора сверкнула влага слез – и все поняли, почему у него седые волосы при таком молодом лице. Трагедия этих двух сердец вдруг ясно раскрылась перед духовным взором многих присутствующих. На лице Наль мелькнула боль, лорд Мильдрей, отвернувшись, незаметно смахнул слезу. И только на лицах Флорентийца и Николая лежала твердость полного спокойствия, мира и огромной доброты. Точно лучи света метнулись от Флорентийца к Алисе и пастору. Девушка робко подошла к роялю, открыла крышку и сказала:

– Я, конечно, не профессиональная музыкантша. Не ожидайте от меня многого. Но я и не полная невежда, так как у меня было два замечательных учителя. Один – мой отец, а второй – его недавно умерший друг, который был известен во всей Европе как пианист и композитор. Я сыграю Шопена.

Все ждали от девушки многого. Но того, что произошло, не ждал никто. Хрупкая фигурка, детская головка – все исчезло, лишь только Алиса коснулась клавиш. Все перестали даже смотреть на Алису, всех унес вихрь звуков. И разве это были звуки одного рояля? Пастор был прав. Бог проснулся в Алисе. И не руки ее исполняли музыкальную пьесу, но сердце ее творило жизнь, чарующую, захватывающую, раскрывающую что-то новое в душе каждого из слушателей.

Наль плакала. Лорд Мильдрей не дыша следил за музыкантшей, вытянувшись в струну. Пастор сиял счастьем, точно молился. Николай, устремив взор на Алису как зачарованный, отвечал сменяющимся выражением своего лица на все краски ее игры, а в фигуре Флорентийца, в его серьезном лице было что-то, напоминавшее жреца.

– Еще, еще! – молила Наль, когда Алиса остановилась.

Алиса стала играть Бетховена, Генделя, Шумана. И все кричали ненасытное: «Еще!»

Вдруг Алиса улыбнулась и запела старинную английскую песню. И снова поразила всех. Высокое сопрано, теплое, нежное, прелестного тембра, звучало с такой силой, о какой и думать было немислимо, глядя на это хрупкое дитя. Погрузив всех за собой в какой-то высший мир, девушка сказала:

– Теперь, папа, дуэт. Или я прекращаю.

Под общим напором просьб пастор подошел к роялю. Дочь начала дуэт, но когда вступил отец, то невольное «ах» вырвалось у всех. Тихий, спокойный пастор внес в свою партию такой бурный темперамент, такое виртуозное артистическое исполнение, которых от него никто не ждал. Его исключительной мощи и красоты бас не заглушал голос дочери, а служил ему основой.

– Я никогда, ни в одной опере не слышал такого исполнения, – тихо сказал лорд Мильдрей, – а я был во всех театрах Европы.

– Отец, – бросилась Наль на шею Флорентийцу, – неужели ты не споешь мне и моему мужу сегодня, чтобы напутствовать нас твоей песней и завершить ею наш венчальный обряд?

Флорентиец встал, поговорил с Алисой и пастором, и зазвучал старинный итальянский дуэт. Что было особенного в голосе и пении Флорентийца? Ведь только что всем казалось, что великая музыка, выше всех философий, лилась в песнях отца и дочери. Сейчас же звенела мощь баритонального тенора, для которого не было ни пределов высоты, ни предела власти и силы звука. Он превосходил все человеческое, земное и открывал небесные сферы, звал в иные миры, убирал все телесные преграды, точно касался самого сердца.

Опомнившись от изумления, во внезапно наступившем молчании присутствующие увидели Алису на коленях перед Флорентийцем, рыдающую, уткнув лицо в его чудесные руки. Подняв девушку, отерев нежно своим платком ее глаза, он обнял вместе отца и дочь и сказал обоим:

– Хотите ли вы оба, чтобы я стал вам Учителем?

– О, Господи, я отвечаю за себя и за дочь. О таком счастье, как быть руководимыми вами, мы и не мечтали.

– Алисе надо самой за себя ответить.

– Лорд Бенедикт, я хочу учиться жить, идя за вами, не только учиться у вас музыке.

– Отец, – бросилась и Наль к Флорентийцу, – я должна подарить что-то Алисе, я не могу не признать ее сестрой, потому что она подготовила меня к твоему пению. Иначе я бы умерла.

– Прошу всех за мною, – сказал хозяин. Он взял под руки Алису и Наль и провел всех в свой зеленый кабинет. Там он подвел гостей к небольшому столу, где лежало несколько футляров. Он взял один из них, вынул оттуда золотой пояс, в который были вправлены крупные изумруды, и надел его на талию Алисы.

– Пояс дарит вам, своей подруге, Наль. А это мой вам подарок. – И на шее Алисы засверкал изумрудный крест, осыпанный мелкими бриллиантами.

– Это, дорогой сэр Уодсворд, прошу вас принять от моей дочери, – и он подал пастору золотые часы на такой же цепочке, – а перстень примите от меня, – сказал он, надевая пастору крупный изумруд с бриллиантом на мизинец левой руки.

– Вас, лорд Мильдрей, я прошу принять этот браслет от меня, в обмен на тот, который вы подарили моей дочери. Разница в том, что здесь зеленые камни, а в том браслете – топазы. Я не сомневаюсь, что вы уже поняли: самое чудесное в вашей жизни еще впереди. А это кольцо

просит вас принять моя дочь. – И на мизинце лорда Мильдрея засверкало такое же кольцо, как у пастора.

– Это еще не все, Алиса. Мой зять просит вас принять в память о сегодняшней музыке это жемчужное ожерелье, и он сам наденет его вам.

К смущенной Алисе подошел Николай и ловко застегнул на ней точно такое же жемчужное ожерелье, какое было на Наль.

– Теперь надо звать наших дам, – сказал Флорентиец, – не переносящих музыки, а также их кавалера, лишившегося ее. Но я надеюсь, Алиса, вы не откажетесь его, беднягу, вознаградить в дальнейшем – вы споете и сыграете ему?

– Я ваша ученица, лорд Бенедикт, как прикажете, так я и поступлю. Только... – она замялась, взглянула на опустившего глаза отца и много тише, печально продолжала: – Это всегда вызывает ревность Дженни и раздражает маму, когда я играю Сандре.

– Мы постараемся избежать этих несносных слагаемых, – рассмеялся Флорентиец и вышел из комнаты за своими отсутствующими гостями.

Лица дам, когда они вошли в комнату, были довольно кислы, и стали еще кислее, когда они увидели одаренных драгоценностями Алису и пастора. Флорентиец, взяв со стола самый большой футляр и открыв его, подошел к пасторше и подал ей чудесное ожерелье из опалов и бриллиантов, такие же серьги и брошь.

– Примите этот дар от моей дочери, – кланяясь ей, сказал хозяин.

– Но это царский подарок. Как мне вас отблагодарить, лорд Бенедикт?

– Я здесь ни при чем. Это дарит вам моя дочь, – чрезвычайно любезно, но холодно ответил хозяин.

Пасторша подошла к Наль, рассыпаясь в благодарности и уверяя, что опалы ее любимые камни. Наль любезно помогла ей надеть драгоценности. Флорентиец тем временем подал Дженни такой же золотой пояс, как у Алисы, только из сапфиров, от лица дочери, и от себя брошь из жемчуга и бриллиантов. Дженни сияла не меньше матери, но огонь зависти блеснул в ее глазах, когда она увидела на шее сестры драгоценный жемчуг.

– Ну, Сандра, остался ты один. Вот тебе часы от Наль, о которых ты мечтал.

– Неужели с боем? – по-детски наивно и радостно вскрикнул Сандра, чем всех насмешил.

Флорентиец нажал пружину, и часы пробили восемь ударов таким приятным звоном, что Сандра не выдержал, подпрыгнул, перевернулся и поцеловал часы. Наль хохотала, Алиса аплодировала Сандре за его гимнастические кульбиты, пастор сел в кресло от смеха – только Дженни и ее мамаша чувствовали себя шокированными вторично в течение вечера.

– Это еще не все, Сандра. Вот тебе кольцо от меня. А это, – он взял точно такой же крест, какой раньше надел Алисе, – это тебе за усердие во всех заданиях, которые я тебе давал. И особенно – за язык пали, – и Флорентиец собственноручно надел ему крест с цепочкой на шею.

Сандра, казалось, все забыл. Лицо его совершенно изменилось. Он стал серьезным, тихим, точно сразу старше. Он прильнул к Флорентийцу, горячо целовал его руки и говорил:

– Я буду стараться быть достойным вашего доверия.

– Не волнуйся, сын мой. Только не спешి давать повод людям для неверных заключений. Будь осторожен с женщинами. Ты прост и дружелюбен, но твое товарищеское отношение к ним может быть истолковано иначе, и это может вовлечь тебя в какую-нибудь инсинуацию.

– Ваши слова, лорд Бенедикт, как всегда, будут мне законом.

– Ваши часы, лорд Уодсворд, с таким же боем, как у Сандры. Позвольте, я покажу вам, как нажимать в них пружину.

Флорентиец нажал пружину часов пастора, и они пробили восемь ударов и затем – совсем иным звуком – ударили еще один раз.

– Ой, и четверти выбивают! – не удержался от восторженного восклицания Сандра, снова по-детски радуясь, чем опять вызвал смех.

В лицах пасторши и Дженни, стоявших друг напротив друга, рыжих, черноглазых и чернобровых, сейчас мелькало что-то неприятное, отталкивающее. На лице пасторши проступили багровые пятна, лишив ее молоджавости. А Дженни, казавшаяся такой красивой за обедом, сейчас стояла хмурая, злая, надменная, с выражением презрения ко всему и всем в этой комнате, где ее, девушку из небогатой семьи, сейчас так по-царски одарили.

– Друг мой Алиса, – раздался голос Флорентийца. – Сегодня мой зять преподнес тебе жемчуг за тот восторг, который ты доставила ему и всем нам своей музыкой. С согласия твоего отца я взял тебя в ученицы. Ежедневно, в двенадцать часов, я буду посылать за тобой экипаж. И здесь, у меня, ты будешь проводить время до вечера. Вечером твой отец будет приезжать за тобой, и после обеда вместе с ним ты будешь возвращаться домой. В память о нашей первой музыкальной встрече прими этот браслет и кольцо от меня. Завтра жди лошадей в двенадцать часов. – И он подал Алисе браслет и кольцо из таких же изумрудов, как ее пояс.

– Вроде бы, лорд Бенедикт, у Алисы есть мать, которая тоже имеет право голоса в решении судьбы дочери, – резко сказала пасторша. – Алиса нужна мне дома. Учиться ей уже довольно.

– Нет, леди Уодсворд. По английским законам, дочь зависит только от отца, если у матери нет ее личного капитала. Это законы юридические, и у вас нет права решать судьбу дочери. Есть еще и иные, божеские законы, нигде, кроме сердца человеческого, не записанные. Это – любовь матери. Но ваша любовь заключалась в том, что вы изгнали дочь с ее искусством в бывший сарай, где и сейчас холодно и сыро. Вы заставляете Алису обшивать себя и старшую дочь, печь вам кексы и убирать ваши комоды и шкафы, а сами лежите весь день с романом на диване или разъезжаете со старшей дочерью по гостям и театрам.

– Я всегда знала, что этот змееныш осрамит меня. Эта лживая, избалованная отцом дочка ввела вас своими жалобами в заблуждение, лорд Бенедикт.

– О, мама, как могли вы подумать, что я кому-нибудь могла бы сказать хоть часть из того, что сказал вам сейчас лорд Бенедикт, – и слезы ручьем потекли из глаз Алисы.

– Ну, значит, твой идеальный отец, обожаемый пастор, оказался на самом деле лицемером и сплетником, – шипя от бешенства, продолжала пасторша.

Взгляд Флорентийца, брошенный на нее, укротил ее, точно взбесившуюся львицу. Повидимому, она потеряла всякое понимание границ приличия и готова была вылить не один ушат грязи на невинную голову пастора, но не смела или не могла больше выговорить ни слова. Изменяющаяся ежеминутно игра камней на ее щеке была ничто в сравнении с ее горящими глазами, которые буквально сыпали вокруг себя искры. Наль, никогда не выдавшая такой силы злобы в женщине, боязливо прижималась к мужу, как бы ища защиты от изливавшегося зла.

Пастор подошел к Алисе, стараясь ее успокоить своей лаской, и подвел ее к Флорентийцу попроситься.

– Простите нас, добрый лорд Бенедикт, за эту безобразную сцену, которую мы заставили вас пережить. Я был, есть и буду, вероятно, неисправимым мечтателем. Я ведь еще и сегодня надеялся, что мои жена и старшая дочь в общении с вами поймут свои ошибки, которые я тщетно старался победить своей любовью в течение всей жизни. Я не победил, лорд Бенедикт. Но, венчая сегодня вашу дочь, я смотрел на ваше необыкновенное лицо. Я думал, что ваше духовное влияние и обаяние, перед которыми никто не может устоять, победят Катарину и Дженни. Я надеялся, что они встретили наконец ту великую нравственную силу, перед которой склонятся.

Дженни издала дерзкий смешок, который внезапно оборвался. Она поперхнулась собственной слюной и сильно закашлялась.

– Не беспокойтесь ни о чем, сэр Уодсворд, – ответил Флорентиец. – Завтра, когда вы приедете за Алисой, я буду иметь возможность поговорить с вами обо всем. У подъезда вы найдете двухместный экипаж, и в нем вы уедете домой с Алисой. В большой карете Сандра и

лорд Мильдрей проводят вашу жену и Дженни. До свиданья, леди Катарина и мисс Дженни. Вы ни одним словом не огорчите Сандру по дороге. Кроме того, я приказываю вам... – он поднял руку, протянул ее по направлению к обеим женщинам и как бы опустил ее на их головы, что при огромном росте Флорентийца, когда все казались маленькими и мелкими рядом с ним, произвело на всех впечатление непреложного приказа, а леди Катарина и Дженни точно присели под магическим действием этой руки. – Я приказываю вам не мешать жить Алисе и пастору дома. Вы превратили их собственный дом в тюрьму, зная, что дед по завещанию оставил дом, где вы живете, Алисе. Зная, что она в этом доме госпожа, вы превратили ее в прислужницу. Теперь вы обе будете трудиться для отца и для Алисы, как они до сих пор трудились для вас. И ни одной ссоры до самой смерти пастора чтобы не было в вашем доме. Идите и помните о том, что я вам сейчас сказал, или в вашей жизни случится непоправимое, вами же самими возвращенное зло, в котором ни я, ни кто другой уже не сможет вам помочь. Помните, вы должны трудиться – или зло завладеет вами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.